

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
«КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 21

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Симферополь
2010

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации
выдано Государственным комитетом телевидения и радиовещания Украины 12.01.2006 г.

Серия КВ № 10833.

*Друкується за рішенням Вченої ради Республіканського вищого навчального закладу
«Кримський інженерно-педагогічний університет». Протокол № 7 від 22.02.2010 р.*

Вчені записки Кримського інженерно-педагогічного університету. Випуск 21. Філологічні науки. – Сімферополь : НИЦ КИПУ, 2010. – 84 с.

У збірник вміщено статті по філології, підготовлені професорсько-викладацьким складом, науковцями, аспірантами, студентами університету, а також вченими інших вузів.

Для науковців, викладачів, аспірантів і студентів вищих навчальних закладів.

*Печатается по решению Ученого совета Республиканского высшего учебного заведения
«Крымский инженерно-педагогический университет». Протокол № 7 от 22.02.2010 г.*

Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 21. Филологические науки. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2010. – 84 с.

В сборник включены статьи по филологии, подготовленные профессорско-преподавательским составом, научными работниками, аспирантами и студентами университета, а также учеными других вузов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Редакционная коллегия:

Керимов И. А., д.ф.н., профессор (главный редактор);
Петрова Л. А., д.ф.н., доцент (зам. главного редактора);
Голосова Т. М., д.ф.н., профессор;
Орехова Л. А., д.ф.н., профессор;
Эмирова А. М., д.ф.н., профессор;

Фазылова А. Р. (ответственный редактор).

Статьи, принятые к печати, обязательно рецензируются редакционной коллегией.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

Ганиева Э. С. Крымскотатарские словари лингвистических терминов в лексикографическом дискурсе	4
Гафарова Р. И. Тематическая группа суффиксальных универбов «наименование места»	8
Євпак А. В. Метафоры тематичної групи «кінська упряж» у російській мові	12
Петрова Л. А. Внутренняя форма в деривационной парадигме многозначного слова	17
Федонюк В. Е. О новых тенденциях в пополнении лексиконов славянских языков	21
Эмирова А. М. Основные понятия крымскотатарской фразеологии	26

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

Абдурахманова Л. Р. Художественная парадигма «любовь» в рассказах М. Зощенко	34
Абдурашитова Ш. Б. Методы исследования концептов в современной лингвистической литературе	37
Жуйкова М. В. Роль культурного чинника в метафоризації предикатів	41
Красовская О. В. О вежливости в судебной культуре (на материале гражданского судопроизводства)	46
Москаленко Л. С. Предложно-падежные сочетания с производными предлогами как средство выражения языковых смыслов	49
Сейтаблаева Э. А. Метафорические модели нарративной субстанции «революция» в идеостиле А. Аверченко	52
Хаджиоглова О. Г. Структура категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських студентів	56
Шабалина А. Н. Специфика актанта процессуальности при пропозиционально-фреймовом моделировании фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли	61

Раздел III. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Евтихова И. М., Панковская И. В. Фонетические особенности швейцарского варианта современного немецкого языка	65
--	----

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Джапарова Э. К. Поэт и поэзия в мифопоэтическом мире Роберта Грейвса	69
Керимов И. А. Дженктен эвель чыккькьан кьырымтатарджа китапларнынъ каталоглары (Меселенинъ кьыскьа тарихчеси)	72
Эмирсуинова Н. К. В. Одоевский и И. Гаспринский: две просветительские утопии	78
Наши авторы	83

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ СЛОВАРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Стаття присвячена вивченню стану лінгвістичної термінографії (теорії і практиці складання лінгвістичних словників) кримськотатарської мови з метою виявлення проблем, що існують в ній, і пошуку шляхів їх рішення. Аналіз словників лінгвістичних термінів проводиться з погляду їх відповідності стану мовознавчої термінології.

Ключові слова: *термінографія, термінологічний словник, лінгвістичний термін.*

Статья посвящена изучению состояния лингвистической терминологии (теории и практике составления лингвистических словарей) крымскотатарского языка с целью выявления существующих в ней проблем и поиска путей их решения. Анализ словарей лингвистических терминов проводится с точки зрения их соответствия состоянию языковедческой терминологии.

Ключевые слова: *терминография, терминологический словарь, лингвистический термин.*

The article is dedicated to the study of the state of linguistic terminography (the theory and practice of linguistic dictionaries formation) of the Crimean Tatar language with the purpose of revelation of its existing problems and search for their solutions. Dictionaries of linguistic terms are analyzed from the point of their correspondence to the state of linguistic terminology.

Key words: *terminography, terminological dictionary, linguistic term.*

Постановка проблемы. Упорядочение терминологической лексики и ее адекватное представление в словарях различных типов – одно из важнейших условий для успешного развития науки и эффективного взаимопонимания специалистов. По мнению исследователей, только на базе словарей, наиболее полно отражающих все параметры языковой системы, возможно объективное научное описание и изучение какого-либо языка [1, с. 223]. Поэтому в настоящее время актуальна проблема изучения и презентации терминологической подсистемы современного крымскотатарского языка, поскольку permanently действующие процессы образования терминов в последние годы приняли более активный характер. В связи с этим существует необходимость концентрирования информации о языковедческой терминологии в специальных словарях различного типа, что будет способствовать достижению указанной цели.

Цель данной статьи – анализ современного состояния крымскотатарской лингвистической терминологии, выявление существующих в ней проблем, поиск путей их решения. Эта цель предполагает описание существующих словарей, что позволяет выявить лакуны в крымскотатарской лингвистической терминологии и наметить возможные пути их восполнения.

Изложение основного материала. Тюркская, в том числе и крымскотатарская лексикография имеет определённый опыт составления словарей лингвистических терминов. Существует ряд словарей этого типа [2–8].

Первый словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка «Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты» (сост. В. И. Борковский и А. Ислямов) издан в 1941 г. [2]. Этот лексикографический труд, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, так в нем были собраны лингвистические термины, употреблявшиеся в учебниках по грамматике крымскотатарского языка довоенного периода. Термины, собранные в указанном словаре, а также термины, представленные в учебниках и пособиях по языку, изданных в 30–40 годах [9–14], за небольшими изменениями (например: *падеж* в данных изданиях – *ал*, в современном крымскотатарском языке – *келши*, *однокоренное слово* – *сёз къорантасы*, современное – *тамырдаш сёз* и др.) легли в основу сегодняшней крымскотатарской языковедческой терминологии.

Словарь является двуязычным переводным словарем. Он содержит около 1,5 тысяч терминологических единиц. Термины, представленные в нем, в основном охватывают такие теоретические области крымскотатарского языка, как фонетика и морфология, реже встречаются термины по лексикологии и синтаксису и практически отсутствует фонологическая и семасиологическая терминология (очевидно, вследствие неразработанности этих областей языкознания в тот период).

В 60–80-е гг. XX века, период ссылки крымскотатарского народа, известным языковедом Усеином Куркчи было создано два словаря лингвистических терминов, однако они не были

окончательно оформлены и опубликованы. Эти лексикографические материалы найдены в секторе рукописных и архивных материалов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского (фонд № 1, опись 1, единица хранения 30 (А)). На наш взгляд, они представляют большой научный интерес и свидетельствуют о серьезной работе составителя над проблемой образования и систематизации грамматических терминов крымскотатарского языка. Словари сохранились под общим названием «Къырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери» («Словарь грамматических терминов крымскотатарского языка с русскими эквивалентами») [3]. Очевидно, они представляли собой черновые варианты словаря, поэтому ученый временно сохранил их под общим титульным листом. В ходе работы по данной теме эти труды доработаны, систематизированы и опубликованы [15].

Объем описываемых словарей составляет 33 машинописных листа. Первый словарь датирован 9 апреля 1968 года. Он небольшой по объему (4 машинописных листа) и включает 88 грамматических терминов. В нем в алфавитном порядке расположены грамматические термины по синтаксису (19 единиц), фонетике (10 единиц) и морфологии (59 единиц).

Следует отметить, что рядом с терминами, заимствованными из других языков, в скобках указывается источник заимствования, а в отдельных случаях этимология слова-термина или одного из компонентов термина-словосочетания. Например: *нида* /а.¹/ *эдагы* /а. частица, *аффикс*/ – *междометие*; *муптеда* /а. начало/ – *подлежащее*; *адий* /а./ *джумле* – *простое предложение* и т. д.

Думается, что этот словарь представлял начало задуманного У. О. Куркчи более серьезного и объемного труда.

Работа над вторым словарем была начата 31 декабря 1972 г. и закончена 28 ноября 1974 г. В отличие от первого словаря здесь термины систематизированы в алфавитном порядке и объединены в гнезда, которые содержат единицы, образующиеся от основного родового термина. Например, в разделе словаря на букву «И» включены и родовой термин *исим* 'имя существительное', и единицы, называющие его грамматические категории и лексико-грамматические разряды: *джыныс исим* 'нарицательное существительное', *йыгъын исим* 'собирательное существительное', *исим халлары системасы* 'падежная система имени существительного', *исимлер*

де теклик 'единственное число имени существительного' и др.

По генетическому признаку термины, получившие лексикографическую разработку, можно разделить на следующие группы: 1) заимствованная через русский язык интернациональная лексика (*антоним*, *аффикс*, *ассимиляция*, *афоризм*, *абзац* и т. д.); 2) собственно тюркские слова (*къыйметпичерлик* 'modalность', *гурюльтили тутукъ* 'шумный согласный' и др.); 3) арабские заимствования, не воспринимавшиеся в крымскотатарском языке как иноязычные слова (*исим* 'имя существительное', *фишль* 'глагол' и т. д.).

В отдельную группу можно объединить гибридные термины-словосочетания, лексические компоненты которых принадлежат разным языкам: *амелий* (араб.) *лексика* (греч.) 'деловая лексика', *иелик* (тюрк.) *аффикси* (лат.) 'притяжательный аффикс', *бельгисизлик* (тюрк.) *категориясы* (греч.) 'категория неопределенности', *йыгъын* (тюрк.) *исим* (араб.) 'собирательное существительное' и пр.

Лексико-семантический анализ словника описываемого лексикографического издания показывает, что одним из основных его свойств является параллелизм терминов. Так, одновременно с интернационализмами в скобках предлагается их крымскотатарский эквивалент: *антоним* (*зытманалы сёз*), *пароним* (*сёйлемеси якъын сёзлер*), *категория* (*джыныс*), *редукция* (*кучьсюзленме*) и пр. Очевидно, ученый предполагал использование обеих номинаций.

В словаре также даны синонимы отдельных терминов, образованных средствами крымскотатарского языка, например: *богъаз* (*гъыртлакъ*) *тутукъ сес* 'фарингальный согласный звук', *иелик* (*мулькиет*) *аффикси* 'притяжательный аффикс', *топлама* (*йыгъыкъ*) *мана* 'кумулятивное значение' и пр. Такие синонимические пары, на наш взгляд, могут затруднить изучение специальной литературы по крымскотатарскому языку.

К сожалению, составителю словаря не удалось избежать омонимии в системе терминов, вошедших в словарь. Например: *сёз*¹ – речь, *сёз*² – слово; *фишль дереджелери*¹ – залог глагола, *фишль дереджелери*² – вид глагола; *зарф*¹ – наречие (самостоятельная часть речи), *зарф*² – говор и др.

Лингвистические термины, представленные в словаре, образованы в основном путем калькирования. В работе представлены кальки и полукальки различного типа.

В словаре большое количество многословных терминов. Но это, на наш взгляд, не является его недостатком. Многословность возникает в

¹ /а./ – заимствование из арабского языка

результате присоединения к однословному термину уточняющих слов, что делает его значение более конкретным.

В описываемом словаре составитель включил и не употреблявшиеся в учебниках по грамматике крымскотатарского языка довоенного периода фонетические варианты отдельных терминов: *хеджа* (совр. *эджа*) 'слог', *харф* (совр. *ариф*) 'буква' и т. д. Эти слова являются арабскими заимствованиями, и, очевидно, ученый считал необходимым максимально приблизить их произношение к произношению в языке-источнике.

Очень ценным является фиксация терминов, которые могут быть полезны для развития и усовершенствования лингвистического терминологического аппарата современного крымскотатарского языка. Например: *тепреник ургъу* 'подвижное ударение', *такъылма мана* 'атрибутивное значение', *озек мана* 'номинативное значение', *зыдманалылашма* 'энантиосемия', *харекет исимлери* 'отглагольные существительные', *кениш кесен кес келеджек заман* 'расширенное будущее категорическое время', *келим фишлери* 'центростремительные глаголы', *дал категориясы* 'категория наклонения', *кочюм категориясы* 'категория залога', *фишьнинъ битимли дереджеси* 'совершенный вид глагола', *ренклегичлер* 'частицы', *тиллернинъ чапразлашмасы* 'скрепление языков', *идаре этиджи исимфишь* 'управляющий инфинитив', *къыйметпичер сёз* 'модальное слово' и др. Проблема введения в научный оборот крымскотатарского языка указанных единиц, на наш взгляд, должна быть обсуждена специалистами, занимающимися вопросами терминологии на современном этапе.

Таким образом, проведенный анализ показывает, насколько серьезно подходил У. О. Куркчи к вопросам формирования терминологической системы. Можно утверждать, что основным способом пополнения терминологии крымскотатарского языка ученый считал образование терминов с использованием собственных ресурсов. Там, где было можно выразить грамматическое понятие средствами родного языка, лексикограф использовал исконные слова. Заимствованная интернациональная лексика составляет незначительную часть словаря, и, как отмечалось, рядом с заимствованием автор предлагал его крымскотатарский вариант. Это еще раз подтверждает стремление У. О. Куркчи обогатить терминосистему крымскотатарского языка за счет его внутренних ресурсов. Вместе с тем исследователь не отказывался от употребления в качестве терминов синонимов, возникших в результате заимствований, и их полного калькирования.

В начале 90-х годов прошлого века, когда активизировались процессы репатриации крымских татар и возрождения национальной культуры, в том числе и системы образования на крымскотатарском языке, возникла острая потребность в учебных пособиях разного типа, в том числе – в словаре лингвистических терминов [16, с. 273]. Таким словарём-справочником, в котором впервые в советской и постсоветской лексикографии в качестве примеров были использованы феномены крымскотатарского языка, явился «Словарь-справочник лингвистических терминов» А. М. Эмировой, изданный в Симферополе в 1995 г. [17]. Примеры из крымскотатарского языка и их научная интерпретация встречаются в словарных статьях, посвященных практически всем разделам науки о языке: фонетике (*дизреза*, *дополнительная артикуляция*, *звуки речи*, *клитика*, *редукция*, *сингармонизм*), лексикологии (*антонимы*, *гиперонимы*, *гипонимы*, *диалектизмы*, *идиомы*, *коннотация*), грамматике (*аффикс*, *изафет*, *постфикс*, *редупликация*) и др.

В настоящее время актуальной остается проблема разработки и создания новых терминов, определения источников и способов образования терминологической лексики. Авторы некоторых современных изданий (А. М. Меметов, А. М. Эмирова, К. А. Усеинов и др.), используя употребительные крымскотатарские термины, функционировавшие в довоенный период и 70–80-е годы, а также единицы интернационального фонда, предпринимают попытку создать новые термины, привлекая словообразовательные возможности крымскотатарского языка. С другой стороны, прослеживается тенденция к замене интернациональных терминов национальными эквивалентами.

Указанная тенденция является доминирующей в лексикографическом труде «Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты» («Словарь-справочник лингвистических терминов крымскотатарского языка»), подготовленном и изданном под руководством А. М. Эмировой [7]. Данный словарь является первым изданием подобного типа в крымскотатарском языкознании.

Словарь невелик по объему (134 термина) и адресован в первую очередь студентам-филологам и учителям-словесникам. Он составлен на базе «Словаря-справочника лингвистических терминов» [17] и включает сокращенные словарные статьи, описывающие принципиальные и характерные категории и явления крымскотатарского языка, например, *хаберлик категориясы* 'категория сказуемости', *мулькиет категориясы* 'категория принадлежности', *тюр-*

кий тиллер 'тюркские языки', *земаневий кьырымтатар тили* 'современный крымскотатарский язык' и др. Словарные статьи сопровождаются иллюстративными зонами. В справочнике представлены термины трех типов: 1) употребительные крымскотатарские термины (в том числе арабизмы, ассимилированные в языке): *эджа* 'слог', *ургъу* 'ударение', *созукъ сес* 'гласный звук', *теньештирюв дереджеси* 'сравнительная степень' и др.; 2) международные термины латинского и греческого происхождения: *фонема*, *орфоэпия*, *архисема*, *синтагма*, *гапология* и пр.; 3) смысловые и структурно-семантические кальки: *бенъезиме* 'ассимиляция', *къошулма* 'протеза', *мана бильгиси* 'семантика', *фонемаларнынъ фаркълайдыджи аляметлери* 'дифференциальные признаки фонем' и др.

Там, где это возможно, составители стремились заменить интернациональные термины крымскотатарскими аналогами или кальками. Несмотря на это, в словаре предлагаются одновременно обе номинации: в качестве вокабулы – крымскотатарский эквивалент, в скобках – интернационализм. На наш взгляд, на современном этапе развития крымскотатарской научной терминологии такой подход вполне оправдан.

Квалификация описываемого словаря как первого справочника лингвистических терминов крымскотатарского языка основана на том, что ранее изданный «Терминологический словарь по языку и языковедению» В. И. Борковского и А. Ислямова [2] был переводным, в нем отсутствовали толкования терминов и иллюстративный материал.

Актуальность межъязыковых лингвистических контактов обусловила необходимость создания многоязычного словаря лингвистических терминов и метаязыковых единиц. Попытка создания такого словаря осуществлена в процессе нашего исследования. «Словарь крымскотатарских лингвистических терминов и метаязыковых единиц (с русскими и украинскими соответствиями)» [4] является идеографическим словарем, в котором «показаны семантические отношения между лексическими единицами» Он охватывает лингвистические термины и метаязыковые единицы, употребляющиеся в современных крымскотатарских учебных пособиях и в научной литературе, а также в довоенных изданиях и в трудах У. Куркчи.

Словарь содержит около 850 терминологических и метаязыковых единиц, которые сгруппированы в терминологические блоки, соответствующие разделам языковедения. К отдельным терминам даны синонимы, отделенные знаком / (косая черта, слэш). Например, *бенъезиме* / *уйгъунлыкъ* – ассимиляция – асиміляція.

В блоках термины расположены по алфавиту, а также с учетом логических (родо-видовых) связей. Такое расположение материала отражает системные связи терминов внутри каждого раздела, позволяет выявить терминологические лакуны, имеющиеся в них, а также продумать пути их восполнения.

Таким образом, на сегодняшний день существуют два современных словаря лингвистических терминов крымскотатарского языка. Однако существующие лексикографические источники не удовлетворяют потребностям современной научной и учебной деятельности.

Наше исследование показывает, что среди множества проблем крымскотатарской терминологической практики, требующих осмысления и теоретического решения, наиболее острыми являются инвентаризация терминов, т. е. сбор и описание всех терминов, относящихся к данной области знания; создание терминов для ранее неисследованных разделов и для новых, современных направлений лингвистики; унификация и систематизация уже существующих терминов; подбор переводческого эквивалента (украинско-крымскотатарские, русско-крымскотатарские словари); выбор адекватных способов дефиниций; определение места и роли латинских и греческих эквивалентов; разработка методов фиксации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития / А. М. Эмирова // Избранные научные работы. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – С. 223–228.
2. Борковский В. И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты / В. И. Борковский, А. Ислямов. – Симферополь : Крымгосиздат, 1941. – 58 с.
3. Куркчи У. О. Къырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери / У. О. Куркчи. – (Сектор рукописных и архивных материалов РКБ им. И. Гаспринского. Ф. 1, оп.1, ед. хран. 30(А). – 33 л.
4. Словарь крымскотатарских лингвистических терминов и метаязыковых единиц / [сост. Э. С. Ганиева]. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 84 с.
5. Татарча-русча тел белеме терминлары сузлеге / [сост. Ф. С. Сафиуллина]. – Казан : Хәтер, 1998. – 127 с.
6. Турецько-український словник лінгвістичної термінології / [сост. Підвойний В. М.]. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2000. – 51 с.
7. Эмирова А. М. Къырымтатар тили тильшыналыкъ терминлерининъ лугъаты / А. М. Эмирова, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь : СОНАТ, 2001. – 64 с.

8. Türk Dünyası Gramer Terimleri Kılavuzu / [hazırlayan Emine Gürsoy-Naskalı]. – Ankara : Yükseköğretim Kurulu Matbaası, 1997. – 190 s.
9. Ислямов А. Грамматика. Ч. 2. Синтаксис. Учебник для 6-7 классов средней школы / А. Ислямов. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1937. – 99 с. (лат. граф.)
10. Ислямов А. Грамматика: 2-нджи кысым. Синтаксис: там олматган орта мектеплернинъ 6-7 сыныфлары ичюн дерслик / А. Ислямов. – 2-нджи бас. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1938. – 114 с.
11. Ислямов А. Татар тилининъ грамматикасы: 2-нджи кысым. Синтаксис: там олматган орта мектеплернинъ 6-7 сыныфлары ичюн дерслик / А. Ислямов. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 120 с.
12. Куртмоллаев Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангыч мектеплернинъ 3-джи ве 4-нджи сыныфлары ичюн. 2-джи кысым / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1938. – 136 с.
13. Куртмоллаев Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангыч мектеплернинъ 4-нджи сыныфлары ичюн. / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 115 с.
14. Куртмоллаев Э. С. Татар тилининъ грамматикасы. I кысым. Фонетика ве морфология. / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 212 с.
15. Куркчи У. О. Къырымтатар тилинде русча къаршылыклары иле грамматика терминлери лугъаты / У. О. Куркчи. – Симферополь : РИА «Аян», 2008. – 64 с.
16. Эмирова А. М. Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка // Эмирова А. М. Избранные научные работы / А. М. Эмирова. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – С. 272–277.
17. Словарь-справочник лингвистических терминов по курсу «Введение в языкознание» / [сост. Эмирова А. М.]. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1995. – 96 с.

УДК 811.161.1'373.611

Гафарова Р. И.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ «НАИМЕНОВАНИЕ МЕСТА»

В роботі структурується тематична група суфіксальних універбів «назви місця». Ця група постійно доповнюється, для неї характерні розгалужена і багатоступенева будова. В середині групи виділяються різні параметри, за допомогою яких систематизуються похідні лексичні одиниці.

Ключові слова: суфіксальний універб, тематичні група, гіперонім, співгіпонім.

В работе структурируется тематическая группа суффиксальных универбов «наименование места». Данная группа постоянно пополняется, для нее характерно разветвленное и многоступенчатое строение. Внутри группы выделяются различные параметры, с помощью которых систематизируются производные лексические единицы.

Ключевые слова: суффиксальный универб, тематическая группа, гипероним, гипоним, согипонимы.

The article deals with the thematic group of suffixal univerbs «the name of places». Divan group is construe is typical to it. Different features are noticed inside of the group with the help of which derivative lexical units are classified.

Key words: suffixal univerbs, thematic group, hyperonym, hyponym, cohyponyms.

Постановка проблемы. В конце XX – начале XXI вв. возросла продуктивность процесса универбации, в частности, суффиксальной (например: *антивирусник* ← антивирусная программа, *ритмика* ← ритмическая гимнастика) в русском [1–10] и украинском [11–14] языках.

Суффиксальные универбы по форме соотносятся с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием.

Субстантивные производные, образованные на базе адекативной или субстантивной основы, представляют собой благодатный материал для построения и систематизации тематических групп и образуют лексико-семантические поля. Изучение тематических связей суффиксальных

универбов позволяет решать проблему упорядочения лексики, расширяет представления о системной организации языка.

Анализ публикаций. Лексическое значение слова обусловлено связью обозначаемых словами предметов и явлений действительности. Д. Н. Шмелев отмечает, что «благодаря этим ”внеязыковым” связям слова объединяются в группы, которые можно назвать тематическими» [15, с. 13].

А. А. Уфимцева считает, что «тематические группы ... объединяются по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне слов» [16, с. 133].

Тематические связи определяют единое смысловое поле лексики, которое соотносится

со словесным полем. На это обращает внимание и А. П. Загнитко: «Тематична група є складником тематичного поля, що структурується на основі повного охоплення тієї чи іншої предметної сфери ...» [17, с. 125].

Традиционным считается, что тематическая группа (ТГ) – это «общность слов, которая обусловлена экстралингвистическими факторами – общностью обозначаемых словами понятий, предметов и явлений внешнего мира» [18, с. 28].

Отдельные тематические группы универбов выделила Л. А. Капанадзе. Лингвист отмечает, что «некоторые семантические микрополя почти полностью заполняются подобными наименованиями (конденсатами)», и выделяет такие группы: названия круп и каш; названия помещений по действию, в нем совершаемому, или по лицу, работающему в нем; названия официальных бумаг, документов; названия площадей и зданий, больниц и библиотек [19, с. 409].

Детально суффиксальные универбы в составе различных лексико-семантических групп были исследованы А. М. Хамидуллиной и Л. А. Самохиной. Исследователи разграничивают предметные и не предметные ТГ универбов. Не предметные ТГ не подвергались детальному изучению, были перечислены лишь некоторые из них: названия болезней, слова, обозначающие промежутки времени, и др. Авторы отмечают, что «среди не предметных существительных намечается тенденция к регулярности включенного значения» [20, с. 29].

А. М. Хамидуллина и Л. А. Самохина объединяют производные единицы по различным признакам. Например, «наименования приспособления, орудиям труда могут быть даны: 1) по назначению: *изоляциянка* – изоляционная лента; *промокашка* – промокательная бумага; *дробилка* – дробильная машина; 2) по отношению к материалу, из которого они изготовлены или на основе которого они работают: *неонка* – неоновая лампа; *керосинка* – керосиновый прибор с фитилями; *чугунка* – чугунная печь; 3) по внешнему виду: *двухколка* – двухколесная повозка...» [20, с. 26].

И. А. Осипова выделяет 20 ТГ, «характеризующихся тенденцией к регулярности включенного значения, которое можно квалифицировать как частное словообразовательное значение» [6, с. 10].

В дальнейшем суффиксальные универбы в парадигматическом аспекте исследовала Т. Д. Соколовская, которая выделила следующие тематические объединения: «продукты питания («крупы», «консервы», «напитки»)), «лекарственные препараты», «болезни», «дезинфицирующие средства», «одежда и обувь», «бытовые

приборы», «жилищные условия», «виды торговых точек», «виды дорог и транспорта» [8, с. 55].

Цель работы – структурировать тематическую классификацию суффиксальных универбов «наименование места» и определить параметры, с помощью которых она систематизируется.

Изложение основного материала. При построении тематических групп универбов нами была использована теория Ю. Н. Караулова. Ученый, рассматривая отношения единиц в семантическом поле, выделяет «привативную оппозицию, или отношение строгого включения. В таком отношении находятся родовые и видовые наименования» [21, с. 107]. Каждая тематическая группа имеет ядро (суперордината) и гипонимы. Автор констатирует, что «указание рода, или суперординаты, всегда есть указание определяющей семантической связи между входящими в данное множество элементами, т. е. между гипонимами. Соотношение же «часть – целое», свойственное денотативному имени, представляет собой обозначение определенной ситуации, а перечисление элементов этой ситуации составляет тематический класс» [21, с. 133]. Тематические группы универбов строятся на привативной оппозиции.

Тематическая группа универбов представлена суперординатой (ядром группы), гипонимами (словами, обозначающими видовые понятия), согипонимами (отношениями между лексемами внутри микрогруппы).

Внутри тематических групп универбы классифицируются по различным параметрам: назначение, функция, отношение к материалу, форма, внешний вид, отношение к имени собственному, отношение к топониму, по количеству (мест, комнат, времени и т. п.) и др.

В ТГ суффиксальных универбов гиперонимами являются включенные в лексическое значение производных имена существительные. Определение гипонимов находится в соответствии со ступенью словообразовательной деривации универба. Как правило, универбы первой ступени не имеют гипонимов, поскольку они образуются на базе непроизводных единиц. Гипонимы выделяются на второй и последующих ступенях деривации: *автономка* ← автономное отопление ← автономия. Таким образом, универб представляет собой в свернутом виде родовидовые отношения: гипероним суффиксального универба выступает как гипоним суперординаты, ядра ТГ. Понятие гипоним и гипероним относительны, поскольку многие виды являются, в свою очередь, родами по отношению к тем классам предметов, объемы которых включаются в данный вид как его составляющие [21; 22].

М. В. Лысякова отмечает: «Включение оказывается многоступенчатым, что дает возможность последовательно детализировать классы и подклассы лексических единиц» [22, с. 81].

ТГ строится по принципу иерархии: выделенные микрогруппы могут дробиться на более мелкие объединения; детализация внутри микрогрупп происходит на основе различных параметров.

Материал показал, что ТГ «наименование места» является наиболее разветвленной.

Следует отметить, что лексема *место* является многозначной. За основу классификации взято значение «пространство, пункт, где что-л. находится», что согласуется с позицией А. М. Хамидуллиной и Л. А. Самохиной. Исследователи выделяют группу с «общим включенным значением 'место', в которую входят названия помещений, улиц, площадей, жилья, а также номинации со значением “внешний вид помещения, вместилища чего-л.”» [20, с. 27].

С учетом этого ТГ была подразделена на следующие подгруппы: I. Название помещений; II. Название учреждений; III. Название площадей, улиц, проспектов и т. д.; IV. Название населенных пунктов и географических названий.

I. Название помещений

Наименование помещений подразделяются на микрогруппы, внутри которых происходит детализация по определенным параметрам: 1) жилые / производственные (23 ед.) помещения, 2) помещения особого назначения (15 ед.).

1) Названия *жилых помещений* делятся на помещения постоянного проживания и временного проживания.

В микрогруппу помещения постоянного проживания включены лексемы, которые распределены по следующим параметрам:

дом: ● по отношению к материалу, из которого построен дом (*бетонка, саманка, щитовуха, кирпичка, ракушечник*); ● по высоте (*многоэтажка, одноэтажка, двухэтажка, пятиэтажка*); ● по количеству квартир (*малоквартирка, многоквартирка*); ● по отношению к имени собственному (*лужковка, сталинка, хрущевка*); ● по топониму (*чешки, берлинки*).

квартира «отдельное жилое помещение в доме, состоящее из одной или нескольких комнат»: ● по количеству комнат (*двушка, однушка, трехка*); ● по метражу (*восьмиметровка, одиннадцатиметровка, малометражка, малосемейка*); ● по количеству съемщиков (*коммуналка*).

Помещения временного проживания также включает лексему *дом*, однако базовым для универбов являются устойчивые словосочетания: *ночлежка* ← ночлежный дом, *инвалидка* ← дом инвалидов, *публичка* ← публичный дом.

Лексема *комната* может выступать в роли гиперонима, т. к. комнаты могут быть для постоянного (*боковушка*) и временного (*гостинка* ← комната гостиничного типа) проживания.

В микрогруппу вошли универбы, называющие палатки «временное помещение из непромокаемой ткани», которые были детализированы по следующим параметрам: ● по отношению к материалу, из которого изготовлен предмет (*брезентовка, парусинка*); ● по отношению к местности (*памирка, альпийка*).

Названия *помещений производственного назначения* состоят из следующих лексических единиц: *помещение, цех, мастерская, комната, отдел*.

Универбы *служебка, караулка, подсобка* не детализируются, т. к. включенное существительное *помещение* приближено к суперординате.

Гипонимы микрогруппы детализируются на основании следующих параметров:

цех: ● по виду выпускаемой продукции (*кондитерка, кожгалантерейка, инструменталка*); ● по функции (*камералка, гальваничка, эксперименталка*).

мастерская: ● по ремонту изделий (*слесарка, кожгалантерейка, авторемонтка*); ● по производству различных изделий (*ювелирка, столлярка*).

В микрогруппу *комната* вошли универбы со значением «помещение специального назначения на предприятии, учреждении и т. п.»: ● для служебного пользования (*вахтерка, проработка, гримерка, дежурка*); ● предназначение (*операционка, оружейка, телевизионка*).

В микрогруппу *отдел* как «часть, подразделение учреждения или предприятия» вошли универбы *учебка, секретка*.

2) Названия мест заключения (10 ед.) образуют самостоятельную микрогруппу в силу специфики данных учреждений. Помещения особого назначения составляют гипонимы *тюрьма* и *камера*, которые образуют микрогруппу и характеризуются следующими параметрами:

тюрьма: ● по функции (*пересылка, транзитка, закрытка*); ● по месту расположения (*дальняк, плавучка*); ● по отношению к топониму (*Лубянка, Петропавловка, Матроска, Бутырка, Бутюр*);

камера: ● по назначению (*осужденка, предвариловка, задержка*); ● по количеству заключенных (*общак, одиночка*).

II. Название учреждений

Подгруппа «название учреждений» состоит из следующих микрогрупп: 1) объекты промышленного производства; 2) учреждения сферы обслуживания; 3) лечебные учреждения; 4) учебные заведения; 5) культурно-просветительские учреждения.

1) Микрогруппа «объекты промышленного производства» включает гипонимы *завод*, *фабрика* и детализируется по общему параметру – по выпускаемой продукции (*текстилка*, *кирпичка*). Семема *станция* «специальное учреждение, обслуживающее в каком-л. отношении определенную территорию» также входит в эту группу и определяется по параметрам: источник энергии или вид топлива для работы (*атомка*, *бензозаправка*), назначение (*спасаловка*), место расположения (*орбиталка*).

2) Микрогруппа «название учреждений сферы обслуживания» состоит из единиц: магазин (*комиссионка*), столовая (*самообслужка*), пункт приема валюты (*обменка*), точка «определенное место для продажи» (*торгушка*), ларек (*пивнушка*). В этой подгруппе не происходит дальнейшей детализации.

3) Микрогруппа «название лечебных учреждений» состоит из лексических единиц: *больница*, *палата* «отдельная комната в больнице, в лечебном учреждении, где лежат больные», *поликлиника*. Для универбов данной группы определен общий параметр – специализация. Для микрогруппы «название больниц» характерен параметр «отношение к имени собственному»: *Филатовка* ← Филатовская больница.

больница: ● по специализации (*психиатричка*, *инфекционка*, *туберкулезка*); ● по отношению к имени собственному (*Склиф*, *Русаковка*, *Филатовка*);

палата «отдельная комната в больнице, в лечебном учреждении, где лежат больные»: ● по назначению (*интенсивка*, *процедурка*);

поликлиника: ● по специализации (*зубопротезка*, *ветеринарка*, *стоматоложка*).

4) Микрогруппа «название учебных заведений» делится на высшие, средние и общеобразовательные учреждения. Каждая микрогруппа содержит гипонимы: высшие учебные заведения (академия, университет, институт); средние учебные заведения (училище и техникум), общеобразовательные учебные заведения (школа). Частотными для микрогрупп являются параметры – по отношению к имени собственному и специализация: *Тимирязевка*, *Скрябинка*, *Фрунзевка* (академия), *Нахимовка*, *Гнесинка*, *Менделеевка*, (институт), *Шукинка*, *Суворовка*, *Баумановка*, (училище), *мед* (университет), *пед*, *политех*, *корабелка* (институт), *мед*, *театралка*, *художка* (училище), *музыкалка*, *спортивка* (школа). Для микрогруппы «наименование школ» выделен параметр – срок обучения (*одинадцатилетка*, *двенадцатилетка*, *вечерка*).

5) Микрогруппа «название культурно-просветительских учреждений» состоит из семем: *библиотека*, *галерея* «специально устроен-

ное помещение, художественный музей, в котором размещены для обозрения произведения искусства», *театр*. Общим параметром является – отношение к имени собственному или топониму: *Третьяковка*, *Дрезденка*, *Ленинка*, *Некрасовка*, *Щедринка*, *Табакерка* ← театр О. Табакова, *Маяковка* ← театр им. В. Маяковского и др. Для лексем, обозначающих «наименование библиотеки», выделен параметр – по специализации (*историчка*, *публичка*, *академичка*, *фундаменталка*, *научка*).

III. Название площадей, улиц, проспектов

В подгруппу вошли универбы с включением единиц наименования улиц, переулков, проспектов, площадей, т. к. имеют общую сему 'место'.

Следует отметить, что внутри подгруппы определяется только один параметр – по отношению к имени собственному (*Вернадка* ← Вернадский проспект, *Пушкинка* ← Пушкинская улица, *Куйбышатник* ← Куйбышевская площадь, *Дубровка* ← Дубровский переулок и др.).

IV. Наименование населенных пунктов и географических названий

В подгруппу вошли лексемы, называющие населенные пункты и определены параметры:

поселок: ● по функции (*временка*);

деревня: ● по количеству дворов (*малодворка*, *десятидворка*); ● по назначению (*неперспективка*);

город: ● по численности населения (*миллионник*, *стотысячник*).

Наименования географических объектов включают существительные *остров*, *море*, *океан*, *горы*. В данной микрогруппе не наблюдается детализации: *Карибы* ← Карибские острова, *Гавайи* ← Гавайские острова, *Атлантика* ← Атлантический океан, *Азов* ← Азовское море, *Карпаты* ← Карпатские горы, и др.

Выводы.

1. Суффиксальные универбы заполняют отдельные семантические микрополя. Изучение включенных компонентов позволяет решить проблему упорядочения производных в тематических группах и подгруппах с предметными и не предметными значениями.

2. Производные субстантивы в свернутом виде способны отражать родо-видовые отношения.

3. Тематическая группа «наименование места» имеет многоступенчатую структуру, что дает возможность детализировать классы и подклассы производных лексических единиц.

4. Выявлены частотные параметры, которые выделяются во всех подгруппах и микрогруппах суффиксальных универбов «наименования места»: по назначению, по отношению к имени собственному, по отношению к топониму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов // Русский язык в школе. – № 2. – 1951. – С. 3–11.
2. Виноградова В. Н. Стилистические средства словообразования / В. Н. Виноградова // Стилистические исследования (на материале современного русского языка) – М. : Наука, 1972. – С. 175–244.
3. Дьячок Н. В. О явлении семантической конденсации как следствии процесса универбации / Н. В. Дьячок // Східнослов'янська філологія. – Вип. 12. – Горлівка, 2007. – С. 24–30.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
5. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка : монография / Людмила Алексеевна Кудрявцева. – К., 1993. – 280 с.
6. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение) / Людмила Ивановна Осипова : автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. – М., 1999. – 29 с.
7. Соколовская Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики / Жанна Павловна Соколовская. – К. : Наук. думка, 1990. – 184 с.
8. Соколовская Т. Д. Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения) / Тамара Дмитриевна Соколовская. – М., 2004. – 154 с.
9. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании / Ираида Александровна Устименко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.
10. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие грамматики и лексики русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 18–35.
11. Горпинич В. О. Українська словотвірна дериватологія / Володимир Олександрович Горпинич. – Дніпропетровськ : ДДУ, 1998. – 190 с.
12. Нелюба А. М. Явища економії в словотвірній номінації / Анатолій Миколайович Нелюба. – Харків, 2007. – 302 с.
13. Сидоренко Е. Н. К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков) / Е. Н. Сидоренко // Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. – М., 1993. – С. 110–124.
14. Теркулов В. И. Слово и номинатема : Опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка : монография / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка : Изд-во ГПШИЯ, 2007. – 240 с.
15. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Дмитрий Николаевич Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
16. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / Анна Анфилофьевна Уфимцева. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 288 с.
17. Загнітко А. П. Сучасні лінгвістичні теорії : монографія / Анатолій Панасович Загнітко. – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – 219 с.
18. Саяхова Л. Г. Лексика как система и методика ее усвоения / Лена Галеевна Саяхова. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1979. – 87 с.
19. Капаназде Л. А. Номинация / Л. А. Капаназде // Русская разговорная речь. – М. : Наука, 1973. – С. 403–461.
20. Хамидуллина А. М. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением / А. М. Хамидуллина, Л. А. Самохина // Исследование по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика. – Уфа, 1982. – Вып. 8. – С. 23–31.
21. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Юрий Николаевич Караулов. – М. : Наука, 1976. – 356 с.
22. Лысякова М. В. Гипонимия как выражение отношений в лексике русского языка / М. В. Лысякова // Русский язык в школе. – 1984. – № 6. – С. 80–83.

УДК 811.161.1'373.612.2:811.161.1'373.7

Євпак А. В.

МЕТАФОРИ ТЕМАТИЧНОЇ ГРУПИ «КІНСЬКА УПРЯЖ» У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

У статті розглянуто образні знаки вторинної номінації, утворені на основі лексем тематичної групи «кінська упряж» у російській мові. Домінуючими метафоричними змістами виявилися «обмеження» та «керування, контроль».

Ключові слова: метафора, тематична група, мотивація, фразеологізм, дериват.

В статье рассматриваются образные знаки вторичной номинации, образованные на основе тематической группы «конская упряжь» в русском языке. Доминирующими метафорическими смыслами оказались «ограничение» и «управление, контроль».

Ключевые слова: метафора, тематическая группа, мотивація, фразеологизм, дериват.

The article deals with the figurative signs of secondary nomination formed on the basis of the thematic group «harness of a horse» in Russian. The dominating metaphorical content turned out to be «restriction» and «management, control».

Key words: metaphor, thematic group, motivation, idiom, derivative.

Постановка питання. Протягом багатьох десятиліть увагу лінгвістів привертає вивчення метафори, проте значна кількість мовного матеріалу, що творилася віками, завжди дає привід для повернення до цієї теми та дослідження метафори під іншим кутом зору.

Аналіз літератури. Вивченням метафори в її різних аспектах займалися такі науковці як Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Г. М. Складревська, Й. А. Стернін, В. М. Телія, Ю. С. Степанов, Ю. М. Караулов, Р. М. Фрумкіна та ін. «Метафора – це твердження про ознаки об'єкта, які виділяються номінатом в значенні переосмисленої мовної форми на основі аналогії» [1, с. 92].

Метафора тісно пов'язана з вивченням номінативних процесів мови і є одним з основних способів творення вторинних значень слова. Вона «є не лише ресурсом образної номінації, а й джерелом нових значень слів, які поряд з функцією характеристичної здатні виконувати номінативну (ідентифікуючу, класифікуючу) функцію, закріплюючись за індивідом в якості його найменування..., або стаючи мовною номінацією певного класу об'єктів...» [2, с. 296]. Проблеми теорії мовної номінації досліджували В. М. Телія, О. С. Кубрякова, А. А. Уфимцева, В. Г. Гак та ін.

Актуальною проблемою теорії метафори є виявлення метафоричного потенціалу не лише окремих лексем, а цілісних тематичних груп. Зокрема, в цьому аспекті становить інтерес тематичне поле «КІНЬ» та його фрагмент «кінська упряж». Реалії, які позначаються лексемами тематичної групи «кінська упряж» (наприклад, такі базові одиниці, як *віжки, вуздечка, хомут, сідло, стремено, шори* або периферійні *голобля, дишло, батіг* в українській мові), були високо значущими в архаїчному суспільстві, що стало причиною глибокого вкорінення їх номінацій у народній мові. Переважна більшість цих лексем породжує вторинні номінації образного чи необразного типу.

Метою нашої статті є виявлення та опис метафоричних значень лексем тематичної групи «кінська упряж» у російській мові, а також встановлення характеру їх мотивації. Робота проводиться в напрямку новітніх досліджень етнолінгвістики, які передбачають вивчення номінативних моделей груп лексики в їхніх зв'язках з народною культурою, а також передбачають зіставлення метафоричних моделей в різних мовах.

Викладення основного матеріалу. До тематичної групи «конская упряж» у російській мові включаємо такі лексеми: *аркан, бич, бразды, вальтрап, вожжи, гуж, дуга, дышло, запряжка, камча, канчук, кнут, лассо, мундштук, нагайка, наглазник, недоуздок, ногавка, обротка (обротъ), оглобля, паперсь (паперсень), плетка*

(плеть), поводья, подпруга, попона (попонка), постромка, потник, путы, решма, сбруя, седла, седло, стремя (стремечко), супонь, тренога, трок, тяж, удила, узда, упряжь, хлыст, чембур (чумбур), чепрак, чересседельник, шенкель, шлея, шоры, шпоры [3].

Вивчаючи асоціативно-семантичне поле «конь / лошадь» в російській мові, російська дослідниця Н. О. Ілюхіна згрупувала його лексику в деякі тематичні групи, зокрема, виділивши тематичну групу «конская упряжь» (з подальшим її поділом на мікрогрупи). Зокрема, вона вказала, що родовими найменуваннями в цій групі виступають лексеми *сбруя, упряжь, запряжка, упряжка*, а до видових належать такі: *узда, обротъ, седло, супонь, хомут, дуга, вожжи, шлея, воз, сани, пролетка* та інші [4, с. 35]. Ми використаємо тематичне групування лексики, розроблене Н. О. Ілюхіною, проте аналізуватимемо лише частину тематичної групи, доповнивши її підгрупи новими елементами. Отже, виділимо такі тематичні мікрогрупи в межах групи «конская упряжь» (окремі елементи можуть входити в кілька груп одночасно): 1) назви збруї верхового коня (*седло, узда, уздечка, недоуздок, обротъ, обротка, бразды, запряжка, сбруя*); 2) елементи вуздечки (*повод, поводья, чембур, удила, уздцы, мундштук, шоры, наглазник, решма, чембур / чумбур*); 3) назви елементів сідла (*стремя (стремечко), подпруга, вальтрап, паперсь (паперсень), потник, трок, чепрак*); 4) запряжна збруя (*узда, вожжи, хомут, супонь*); 5) засоби кріплення воза до коня (*хомут, оглобли, гуж, дуга, шлея, чересседельник, постромка, тяж, дышло, супонь*); 6) засоби керування та поганання коней (*кнут, плеть, плетка, хлыст, камча, канчук, нагайка, бич, шпоры*); 7) інші предмети з різноманітним призначенням, що стосуються коня (*аркан, путы, тренога, лассо, ногавка, попона (попонка), шенкель*). У статті ми обмежимося лише аналізом метафоричних значень, які утворюються на основі слів тематичної групи «конская упряжь», а також розглянемо фразеологічні одиниці з цими лексемами.

1. Назви збруї верхового коня.

Лексема *бразды* ('конские удила, узда' [МАС 1, с. 111]) є застарілою (напр.: ... *Феб златокудрый направил Быстрых коней, Фаетонуву гибель, за розовой Эос; Круто напряжи бразды, он кругом озирался...* А. А. Фет. Влажное ложе покинувши [НКРЯ]). Вона розвинула метафоричне значення 'власть, управление' [Ефрем.] (напр.: ...*если на минуту выпустит духовные бразды ума и сердца, – сейчас может испуститься до мыслей и чувств низменных, плотских, скверных...* Иоанн Кронштадтский. Дневники [НКРЯ]), проте в сучасній російській мові

слово *бразды* вживається переважно у складі фразеологізму *бразды правления*, який означає 'власть, управление' [МАС 1, с. 111] (напр.: *Ниспровергнув бестолкову директорию и приняв бразды правления, Наполеон начал действовать в духе общего европейского порядка...* Ф. В. Булгарин. Воспоминания [НКРЯ]).

Лексема *узда* ('часть сбруи, надеваемая на голову лошади и других упряжных животных для управления ими – ремни с удилами и поводьями' [МАС 4, с. 474]) має такі метафоричні значення: 'то, что является сдерживающей, обуздывающей силой против чего-либо' [МАС 4, с. 474], 'нравственная сила, средства' [Даль 4, с. 491], 'карательная, для обузданья, ограниченья или у(воз)держанья людей от своеволия, в известных границах' [Даль 4, с. 491]. Слово входить до кількох фразеологізмів: *держатъ в узде* ('держатъ в повиновении' [МАС 4, с. 474], напр.: *Толпу приходится держатъ в узде, пугатъ законами и наказаниями для ослушников ясных и отчужденных требований законов.* Л. И. Шестов. На весах Иова [НКРЯ]; 'сдерживатъся, сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле' [Пал., с. 100]), *саврас без узды* ('развязный, бесшабашный молодой человек, озорник и кутила' [МАС 4, с. 11]), тобто порівнюється дві ситуації: наявність вуздечки дає можливість стримати коня, а відсутність – ні.

Лексема *седло*, основне значення якої 'сидение для всадника, укрепляемое на спине лошади, осла и т. п.' [МАС 4, с. 68], має метафоричне значення 'выгиб, впадина в каком-либо предмете' [Ефрем.]. Його дериват *седловина* означає 'продолговатая впадина, неглубокая выемка между двумя высотами в горном хребте' [МАС 4, с. 69], а метеорологічний термін *седло барометрическое* – 'две области пониженного давления между двумя областями высокого давления – признак изменчивой, пасмурной погоды' [Сл. Уш.]. Усі згадані вище семантичні та словотвірні деривати утворилися через подібність позначуваних реалій до форми сідла. Основне значення словотвірного деривата *седелка* ('часть конской упряжи – крытая кожей подушка, подкладываемая под чересседельник' [МАС 4, с. 68]) стало основою творення другого (шляхом метонімізації) – діал. 'спина лошади' [СРНГ 37, с. 112], від якого пішло переносне значення – діал. 'спина человека' [СРНГ 37, с. 112] (спина коня, на якій знаходиться *седелко*, порівнюється зі спиною людини). В російській мові існують фразеологізми, елементом яких є лексема *седло* або її похідні: *выбить (вышибить) из седла* ('вывести из состояния душевного равновесия, лишить способности противостоять чему-л., отстаивать что-л.' [МАС 4, с. 69]), *идет (приста-*

ло) как (к) корове седло ('совсем не идет, выглядит смешно, нелепо (об одежде)' [МАС 4, с. 69]), *сидит как на корове седло* ('о нескладной, плохо сидящей одежде' [МАС 4, с. 69]), діал. *седелка да подпруга* ('о неразлучных друзьях' [СРНГ 28, с. 149]), діал. *протянуть вдоль седелки* ('ударить чем-либо по спине' [СРНГ 37, с. 112]), діал. *под седелку попало кому-либо* ('о ком-либо в состоянии легкого опьянения, под хмельком' [СРНГ 37, с. 113]). У фразеологізмі *выбить (вышибить) из седла* переосмислено ситуацію, коли людину вибивають зі сідла і вона падає з коня, після чого вона почувається дуже непевно у своїх попередніх намірах та суттєво втрачає у силі, швидкості тощо. У значенні діалектного фразеологізму *седелка да подпруга* відбито ідею нерозривності (як у реальності бувають нерозривні *седелка* та *подпруга*). У значенні фразеологізму *под седелку попало кому-либо* переосмислена ситуація, коли під *седелку* щось потрапляє та починає муляти коневі, від чого тварині стає дуже незручно і вона починає ходити так, що це нагадує ходу людини на підпитку.

Пряме значення лексеми *обротъ* – 'недоуздок, узда без удил' [МАС 2, с. 565]. Слово *обротать* (тобто надягнути *обротъ*) має вторинне метафоричне значення – 'обуздать кого-л., заставить вести себя определенным образом' [МАС 2, с. 565] (так як і кінь починає слухатися, коли на нього надягають *обротъ*). Діалектне *обротаться* може означати 'жениться' [СРНГ 22, с. 210], а словосполучення *обротать парня* – 'женить' [Даль 2, с. 635].

2. Елементи вуздечки.

Основне значення лексеми *шоры* ('прикрепленные к уздечке наглазники, не дающие лошади возможности смотреть по сторонам' [МАС 4, с. 726]) стало основою похідного – 'то, что мешает кому-либо правильно понимать окружающее' [МАС 4, с. 726] (напр.: *Другой же специалист, занявшись этой проблемой, сумел взглянуть на неё непрофессионально, отрешиться от шор узкоспециального подхода.* А. К. Сухотин. Парадоксы науки [НКРЯ]). Основою метафоричного переносу стала подібність якогось явища, що заважає сприймати оточення, до шор, які заважають коню бачити те, що робиться навколо. На цій основі був утворений фразеологізм *взять в шоры кого (держатъ в шорах кого)*, який означає 'заставитъ кого-либо действовать в определенных рамках, границах, ограничить свободу действий кого-либо' [МАС 4, с. 726].

Лексема *удила* ('часть конской сбруи, состоящая из железных стержней, прикрепленных к ремням узды и вкладываемых в рот лошади при взнуздывании' [МАС 4, с. 468]) входить до відомого фразеологізму *закусить удила*, який озна-

чає 'сорватися, втратити управління над собою' [Ож.-Шв.] (напр.: *Но генерал окончательнo закусил удила, швыряя деньги цыганам, кокоткам, подозрительным карточным партнерам, выматывающим душу румынским скрипачам и красивым ножкам, плясавшим по его заказу*. Б. Васильев. Были и небыли [НКРЯ]). Якщо кінь закушує зубами вудила, вершник може повністю втратити контроль над конем, адже саме вудила змушують коня слухатися і повертати в потрібний вершнику бік, бо при натягуванні спричиняють неприємні відчуття коневі в кутках губ. Коли ж кінь тримає вудила зубами, він фактично стає некерованим.

3. Назви елементів сідла.

Значення лексеми *стремя* – 'одна из парных кожаных петель или железных дужек с ушком, подвешиваемых на ремне к седлу для упора ног всадника' [МАС 4, с. 287]. Слово *стремя* метафоричних значень не дає, проте входить до кількох фразеологізмів: *стремя в стремя* ('рядом, бок о бок (о всадниках)' [МАС 4, с. 287]), *вступить в стремя* ('выйти из младенческого возраста' [Даль 4, с. 347]), *вступить в отцовское стремя* ('пойти по следам отца' [Даль 4, с. 347]), *держат кому стремя* ('служить, покорно прислуживать' [Даль 4, с. 347]). Зі згаданих фразеологізмів два утворилося шляхом метонімізації: *стремя в стремя* та *вступить в стремя*. Значення фразеологізму *стремя в стремя* пояснюється тим, що коли вершники їдуть бік у бік, то стремена теж поряд. Вираз *вступить в стремя* мотивується образом дитини, яка доросла до того віку, щоб сидіти верхи на коні. Необхідно зазначити, що «сталій вираз, що виникає шляхом метафоризації, кардинально міняє свою семантику і вживається для позначення ситуацій, далеких від тої, що міститься в його внутрішній формі ... , тоді як внаслідок фразеологічної метонімізації утворюються такі сталі вирази, що мають пряме відношення до ситуації, зафіксованої у внутрішній формі фраземи ... Таким чином, семантика фраземи, утвореної шляхом метонімізації, не виходить за межі тої тематики, яка задається її планом вираження» [5, с. 43]. Фразеологізм *вступить в отцовское стремя* (утворений шляхом метафоризації) формально пов'язаний з попереднім, проте її зміст вказує на те, що людина стала досить дорослою, щоб вибирати свій шлях (у цьому випадку вона наслідує життєвий шлях свого батька). Розглядаючи фразеологізм *держат кому стремя*, варто згадати, що в Московській Русі існувала своєрідна професія – *стремянный* ('конюх-слуга, ухаживающий за верховой лошастью своего господина, а также слуга, сопровождающий барина во время охоты' та 'придворный, ведавший царскими

верховыми лошадьми и сопровождавший царя на торжественных выездах (на Руси XVI–XVII вв.)' [МАС 4, с. 287]). Ситуація зі служником, який постійно супроводжував свого хазяїна та тримав йому стремено, коли той сідав на коня, стала основою для творення фразеологізму *держат кому стремя*.

4. Запряжна збруя.

Пряме значення лексеми *вожжи* (одн. *вожжа*) – 'часть упряжи, веревка (или длинный ремень), прикрепляемая с обеих сторон к узде и служащая для управления запряженной лошастью' [БАС 2, с. 528] – стало основою творення метафоричного: 'средства управления, руководства кем-либо или чем-либо, воздействия на кого-либо или на что-либо' [Ефрем.], тобто керування кимось/чимось уподібнюється до керування конем, а засоби керування – до віжок. Така модель є основою творення фразеологізмів *прибрать вожжи к рукам (держат вожжи в своих руках)* ('сосредоточить в своих руках власть, руководство' [БАС 2, с. 529]), *держат (придерживат) на вожжах* ('сдерживать, не давать воли' [БАС 2, с. 529]), *натянуть (подтянуть) вожжи* ('усилить дисциплину, власть' [БАС 2, с. 529]), *опустит вожжи* ('ослабит управление' [БАС 2, с. 529]), *выпустит (ослабит) вожжи* ('об утрате, ослаблении строгого наблюдения над кем/чем-н., руководства' [Ож.-Шв.]), *держат вожжи в руках* ('неослабно наблюдают за кем-н., руководит' [Ож.-Шв.]), *черт в вожжах у кого, в чьих* ('кто-либо хозяин положения, для которого все доступно, все возможно' [Пал., с. 355]). Основою творення фразеологізму *вожжа под хвост попала кому-нибудь* ('говорится о настроении или поведении человека, которого неизвестно что беспокоит или сильно раздражает' [Сл. Уш.]) стала ситуація, коли віжки потрапляють коневі від хвіст, що дуже нервує тварину (напр.: *Остальные смотрели мрачно, иные со страхом и отчаянием, точно удивляясь своей смелости, но ясно, что вожжа попала под хвост* всем. Л. Соболев. Капитальный ремонт [НКРЯ]). У діалектах російської мови зафіксовано формально схожий вираз *вожжа попала кому-либо* ('подвыпил, охмелел кто-либо' [СРНГ 5, с. 13]), проте в цьому випадку поведінка п'яної людини порівнюється з поведінкою коня, якому віжка потрапила під хвіст. Словотвірний дериват *возжатся* ('с кем-нибудь знатся, дружится, водится; во что мешатся во что, соватся, связыватся' [Даль 1, с. 224]) має іншу основу творення: тут вирішальним міг бути інший компонент основного значення, а саме 'веревка... , прикрепляемая с обеих сторон к узде', тобто ситуація, коли щось поєднується (як поєднуються друзі спільними інтересами).

5. Засоби кріплення воза до коня.

Лексема *гуж* ('кожаная петля у хомута, служащая для скрепления оглобель и дуги' [МАС 1, с. 356]) має кілька словотвірних дериватів, значення яких утворилися метафорично: діалектне *гужеваться* ('гулять, веселиться' [СРНГ 7, с. 204]) та *гужевать* ('общаться с кем-либо, заниматься с чем-либо' [Ефрем.]). Можливо, їх значення утворилися за схожою моделлю, як у лексеми *возжаться*, адже гуж теж скріплює предмети (оглоблю та дугу).

Лексема *хомут* ('нашейная часть конской упряжи, состоящая из деревянного остова (клещей), внутренняя сторона которого, прилегающая к шее, покрыта мягким войлочным валиком (хомутиной)' [МАС 4, с. 619]) входить до складу фразеологізму *надеть (себе) хомут на шею*, який означає 'обременить себя чем-либо' [МАС 4, с. 619], що нагадує ситуацію, коли коневі надягають хомут, запрягаючи його до роботи. Серед вторинних номінатів є такі: *хомутить* ('кого завладеть кем, заставит работать, навалить на кого стороннее дело' [Даль 4, с. 560]), *захомутать* ('лишить свободы действий, самостоятельности; подчинить кого-либо, заставив исполнять свои распоряжения, указания' [Ефрем.]), *хомутать* ('на кого свалить на кого чужую вину, клеветать и взводить напраслину' [Даль 4, с. 560]), *хомутала* ('кто сваливает чью обязанность, вину, ответственность на кого' [Даль 4, с. 560]).

Лексема *оглобля* ('одна из двух круглых жердей, укрепленных концами на передней оси экипажа и служащих для запряжки лошади' [МАС 2, с. 584]) має вторинне метафоричне значення 'высокий и очень худой человек' [Ефрем.] (порівнюються товщина та довжина жердини з худорлявістю і високим зростом людини), сюди ж діалектна лексема *оглоблина* – 'об очень высоком и худом человеке' [СРНГ 22, с. 317]. Фразеологізм *повернуть оглобли* означає 'уйти ни с чем' [МАС 2, с. 584], діал. *заворотя оглоблю* – 'сразу же, без промедления' [СРНГ 22, с. 318].

6. Засоби керування та поганання коней.

Лексема *бич* (основне значення 'длинная плеть, кнут из мелко свитых ремней, веревок' [МАС 1, с. 92]) має такі похідні значення: 1) 'обличительная, разящая сила чего-либо' [МАС 1, с. 92] (напр.: *...Твой светоч, грозно пламеня, Жестоком блеском озарил Совет правителей бесславных; Твой бич настигнул их, казнил Сих палачей самодержавных...* Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт [НКРЯ]) та 2) 'наказание в виде бедствия' [Сл. Уш.]. Словотвірний дериват *бичевать* ('сечь, хлестать плетью, кнутом' [МАС 1, с. 92]) також розвинув вторинне метафоричне значення 'подвергать резкой критике' [МАС 1, с. 92] (напр.: *Он мог бы биче-*

вать все проявления эгоизма, т. е. рассказывать о собственных «низких» помыслах и метать громы и молнии по адресу своих читателей, как делает гр. Толстой. Л. Шестов. Достоевский и Ницше [НКРЯ]).

Лексема *кнут* ('прикрепленная к рукоятке веревка или ремень, которыми погоняют животных' [МАС 3, с. 63]) має такі метафоричні значення: 1) діал. 'последняя рюмка вина на дорогу, посошок' [СРНГ 13, с. 345] (можливо, основою цієї метафори стала ситуація, коли хтось випиває перед дорогою востаннє, а потім запрягає коней та б'є їх батогом, щоб рушили в дорогу); 2) 'правительственная система гнета, насилий' [Сл. Уш.]. Лексема *кнутобойничать* ('быть кнутобоем' [Сл. Уш.]), яке утворилося від *кнутобой* ('палач, бывший кнутом' [Сл. Уш.]) має вторинне метафоричне значення – 'жестoko расправляться с кем-н., насильничать' [Сл. Уш.]. Діалектний фразеологізм *ехать на (одном) кнуте (кнуту)* означає 'ехать на очень плохой лошади, которую надо все время бить кнутом' [СРНГ 13, с. 345], тобто коня треба постійно поганяти батогом, бо він не хоче йти. В російській мові активно живається також вираз *политика кнута и пряника*, який означає 'линия поведения, политика, основанная на смене поощрений и наказаний' [Ож.-Шв.], який, очевидно, є калькою з європейських мов [БМС, с. 308].

7. Інші предмети, що мають різноманітне призначення та стосуються коня.

Від лексеми *аркан* ('длинная веревка с подвижной петлей для ловли лошадей и других животных' [МАС 1, с. 45]) утворився образний дериват *заарканить*, який має метафоричне значення 'хитростью, ловкостью заманивать кого-либо' [Ефрем.], 'завлечь, захватить' [МАС 1, с. 492]. Основне значення лексеми *путь* – 'перевязь, которой стягивают передние ноги лошади во время пастыбы' [МАС 3, с. 565] породило метафоричне – 'то, что сковывает, поработает, лишает свободы' [Ож.-Шв.] (напр.: *А. Пуанкаре, например, заявлял, что в логистике (одно из определенных логического) он видит одни пути для творчества. А. К. Сухотин. Парадоксы науки [НКРЯ]), тобто щось позбавляє людину свободи, як *путь* позбавляють коня можливості рухатися.*

Висновки. Розглянутий матеріал показує, що назви упряжі коня, які посідали особливе місце в господарстві в минулому, коли кінь був єдиним засобом пересування, суттєво поповнили метафоричний лексикон та фразеологічну систему російської мови. Той факт, що велика частина розглянутих лексем позначає предмети, за допомогою яких керують конем, позначився на характері метафоричних переносів: домінуючи-

ми метафоричними змістами у масиві вторинних номінатів виявилися наступні: «керування», «керівництво», «примус», «підкорення», «контроль» та «обмеження».

Подальші дослідження можуть бути скеровані на виявлення метафоричних значень одиниць інших тематичних мікрогруп лексико-тематичного поля «кінь».

ЛІТЕРАТУРА

1. Языковая номинация: общие вопросы / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М. : Наука, 1977. – 360 с.
2. Языкознание : большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – [2-е изд.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
3. Конская упряжь [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Конская_упряжь
4. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте / Н. А. Илюхина. – Самара : Самарский университет, 1998. – 204 с.
5. Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов : [монографія] / Маргарита Василівна Жуйкова. – Луцьк : РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. – 416 с.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ СЛОВНИКІВ

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / [глав. ред. В. И. Чернышев]. – М.–Л., 1950–1965.

БМС – Бирих А. Русская фразеология : историко-этимологический справочник / А. Бирих, В. Мокиенко, Л. Степанова. – М. : Астрель, АСТ, 2005. – 926 с.
Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / Владимир Иванович Даль. – М., 1955.

Ефрем. – Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : [для Lingvo X3] / [под ред. Т. Ф. Ефремовой]. – АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1985–1988.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>

Ож.-Шв. – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : [для Lingvo X3] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1992. – 812 с.

Пал. – Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. А–Я / М. Ф. Палевская. – Кишинев : Штиинца, 1980. – 388 с.

Сл. Уш. – Толковый словарь русского языка : в 4-х т. : [для Lingvo X3] / [под ред. Д. Н. Ушакова]. – М. : Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / [отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов]. – Л. : Наука, 1965. – Вып. 1 – *.

Lingvo X3 – Abbyu Lingvo X3 багатомовний : 12 мов, 154 словника : електронний словник для ПК [випуск 14.0.0.442, артикул 6091] [Электронный ресурс]. – Систем. вимоги : Win.Vista; 1 GGz ; 512 Mb RAM. – Режим доступа : <http://abbyu.ua>

УДК 811.161.1

Петрова Л. А.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА В ДЕРИВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

У статті розглядається роль внутрішньої форми слова в процесі мотивації похідного слова. Визначаються семантичні компоненти похідного значення, обумовлені початковим образом.

Ключові слова: внутрішня форма слова, фітонім, мотивація, внутріслівна деривація.

В статье рассматривается роль внутренней формы слова в процессе мотивации производного слова. Определяются семантические компоненты производного значения, обусловленные исходным образом.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, фитонимы, мотивация, внутрисловная деривация.

The article deals with the role of internal form of word in the process of motivation of derivative. The semantic components of derivative mean, which are conditioned initial appearance, are concerned.

Key words: internal form of word, fitonim, motivation, interword's derivate.

Постановка проблеми. Одной из основных проблем когнитивного подхода к языку является изучение структуры представления знаний. При когнитивном подходе мотивированность осмысливается как способность морфемной структуры (репрезентанта *внутренней формы слова* – далее ВФС) коррелировать с лексическим значением в различных аспектах: семантическом, словообразовательном, концептуальном.

Понятие внутренней формы находилось на периферии интересов структурной лингвистики, но в последние годы, в связи с обращением лингвистики к объяснительным моделям, с необходимостью рассматривать факты диахронии в синхронном описании и потребностью в таком семантическом представлении слова, которое было бы ориентировано на учет всех его релевантных парадигматических связей, наблюдает-

ся возобновление интереса к вопросам о природе ВФС, её функциях, отношении к лексическому значению и т. д. [1; 2].

Анализ литературы. Термин «внутренняя форма слова» в этом значении был введен в лингвистический обиход во второй половине XIX в. А. А. Потебней [3]. Словосочетание «внутренняя форма слова» восходит к русскому переводу термина В. фон Гумбольдта *Innere Sprachform* (внутренняя форма языка), однако содержательно здесь речь идет о разных вещах. Под внутренней формой языка Гумбольдт имел в виду своего рода свидетельство «духа народа», заключенное в строе его языка.

Таким образом, ВФС – это след процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, по выражению Ю. С. Маслова, – «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [4, с. 84].

Внутренняя форма слова – осознаваемая говорящим на некотором языке мотивированность значения слова (или словосочетания) данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т. е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключаемого в данном слове концепта. Например, птица *кукушка* названа так потому, что она кричит «ку-ку», а слово *черника* отсылает к цвету обозначенной ягоды.

Этот «след движения мысли» может быть более или менее заметным, а может и вовсе теряться в глубине веков, в последнем случае говорят об утрате (или отсутствии у данного слова) внутренней формы. Так, слова *темница* и *светлица* имеют внутреннюю форму, а *тюрьма* и *комната* – нет.

Утрата ВФС может происходить по разным причинам. Бывает так, что слово, послужившее основой номинации, выходит из употребления, что можно проследить на примере Словаря В. И. Даля. По-видимому, многие лексические единицы, функционирующие при жизни лексикографа, постепенно утрачивали ясность, их внутренняя форма стала неизвестной современному носителю языка.

Внутренняя форма отсутствует у заимствованных слов. Даже если заимствованное слово состоит из значимых частей, то они являются значимыми лишь в том языке, в котором оно создано – за исключением тех случаев, когда морфемы носят интернациональный характер. Поэтому наличие внутренней формы может служить указанием на направление заимствования, например, можно с уверенностью сказать, что русское слово *епископ* является заимствова-

нием из греческого *episkopos*, а не наоборот только потому, что греческое слово имеет внутреннюю форму «смотрящий вокруг», а русское – нет.

Проиллюстрируем разные типы ВФС на примере русских названий дней недели. Слова *вторник*, *четверг*, *пятница* и *среда* имеют явную внутреннюю форму словообразовательного типа: первые три образованы от соответствующих порядковых числительных – *второй*, *четвертый*, *пятый* дни недели; *среда* (или в исконной русской форме, сохранившейся в диалектах, *середи*) – это *середина* недели. Заметим, что аналогичную внутреннюю форму имеет название этого дня недели в немецком языке (*Mittwoch*). Это не случайное совпадение: русская *среда* в значении «срединный день недели» – это древняя семантическая калька (т. е. результат заимствования переносного значения) с соответствующего немецкого слова.

Слово *воскресенье* имеет внутреннюю форму эпидигматического типа. Оно отсылает к названию одного из христианских праздников – Воскресению Христову. Изначально слово *воскресенье* обозначало этот единственный день в году – первый день Пасхи, но примерно с XIII века оно стало использоваться для обозначения всякого седьмого, нерабочего, дня недели, вытеснив в этом значении слово *неделя* (имеющего прозрачную внутреннюю форму словообразовательного типа «*нерабочий день*»). Лексема *неделя* в своем исходном значении сохранилось, например, в украинском языке, а в русском оставило свой след в слове *понедельник* – «день, следующий за воскресеньем (неделей)».

Слово *суббота* отсылает к древнееврейскому празднику окончания недели – шаббату. Традиция нерабочего дня в конце недели перекочевала в Европу с удивительным эффектом – вместо одного выходного сейчас существует два.

Итак, идея внутренней формы языка выдвинута и разработана В. фон Гумбольдтом. «Слово – не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как был осмыслен речетворческим актом конкретный момент изобретения слова, – писал ученый. – Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета, так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким, каждый раз подразумевается один и тот же предмет, тремя словами обозначены три разные понятия» [5, с. 144].

Цель предлагаемой статьи – определить роль внутренней формы в развитии внутрисловной деривации с опорой на семную структуру мотиватора (вершины словообразовательного гнезда со значением «человек») и с учетом экст-

ралингвистических факторов. Исследование проводится на материале Словаря живого великорусского языка В. И. Даля. В зону внимания входят производные единицы, относящиеся к фитонимам.

Изложение основного материала. Наиболее масштабно в русском языке представлены гнезда с вершиной именем существительным. Проследим особенности экспликации ВФС в производной единице со значением «растение». При этом следует учитывать, что «выбор признака, лежащего в основе номинации, не обязательно определяется его существенностью» [6, с. 85].

БАБА ж. замужняя женщина низших социальных условий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодичею, или вдова. || Мать отцова или материна, жена деда, более употреб. *умалит.* бабка, бабушка и пр. || Жена; крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою, разве хозяйкою.

Бабка, смл. гриб белый и боровик (*отличается большим мясистым телом*)¹. || Раст. попутник, *Plantago arenaria*, толстушка, блошное семя; *P. lauceolata*, подорожник, попутник, ранник (*его кладут в раны*), порезник, арженик; *P. major*, путник, попутник, подорожник крупный; *P. maritime*, вербейник; *P. media*, припутник, подорожник, арженик;² || **Бабий-ум**, раст. перекасти-поле, *Gypsophila paniculata*, в южных степях; зрелое, срывает ветром и катит зря: кати поле, качим, покатим, катун, покатун, покатник, перекастичник, кучерявка (*особенность растения скакать с кочки на кочку, т. е. с пятого на десятое, живо обыгрывается сравнением с наклонностью женского мышления, легко увлекающегося, подчас ветреного, что зримо соотносится с круглым, как шар или как подобие головы (даже с пышной шевелюрой), кустарником*). || **Баушкино яблоко**, порода крупных, белых, с краснобрызгом; мягкое, вкусное, спелое рано, на стебле крепко, но средней прочности. || **Бабушник**, раст. *Agave*, столетник, алый американский (*в данных случаях обрисовывается отличительная величина по возрасту, более крупная среди родственных растений*). || **Бабы-зубы**, раст. *Dentaria*, унивец; || **Бабыя-соль**, раст. *Crithmum maritimum*, серпник, сверлильник, копр (*навверняка, многие слышали об остроте женских языков и зубов в речах; народная молва сохранила некоторые отголоски едкости, сверлящей ядовитости и режущей наповал агрессив-*

ности, соотносимой как с чертами характера, так и с лечебной, бактерицидной способностью; сюда же «зубы показать», «не сыпь мне соль на рану» – о речах). || **Бабы румяны**, раст. *Echium tubrum*, нащетинец, змеевец (*очевидна связь с цветом всех оттенков красного*).

В гнезде с вершиной **БАБА** выделено восемь номинаций, относящихся к фитонимам. Производные *бабка1* и *бабка2* связаны с вершиной семей 'округлость формы'. Третье производное (*бабий-ум*) связано с вершиной семей 'женский интеллект', 'форма части тела'. Четвертое производное (*баушкино яблоко*) связано с вершиной семей 'форма'. Пятое производное (*бабушник*) связано с вершиной семей 'величина по возрасту'. Шестое и седьмое производные (*бабы-зубы*, *бабыя соль*) связаны с вершиной семей 'острота женского характера'. Восьмое производное (*бабы румяны*) связано с вершиной семей 'цвет лица'.

БОЯРИН, м. боярыня ж. ныне барин, барыня. (От бой, бить, воевода, от болярин, болеть по ком, заботиться, от болий, большак). С боярами знаться – греха не обернуться. Боярин и в рубище не брат. Такой-сякой боярин, а все не мужик. Всяк боярин свою милость хвалит. Встарь это был жалованный сан: вельможа, знатнейшее сословие в государстве; ближний боярин, комнатный, что ныне камер-, приближенный к царю. Введенный боярин, дворцовый судья, род канцлера. Боярин путный или с путем, которому с городов или волостей назначались особые доходы. Бояре свойственные, состоящие в родстве с царицей, в свойстве с царем.

Боярка, зап. ягода боярышника. || **Боярская-спесь**, барская спесь, растение татарское мыло, огненный цветок, *Lychnis chalcidonica* (*растение выделяет пену, применяемую для мытья; так же, как и татарский конь, и человек в дурном расположении духа; историческая отсылка*). || **Барская-снить**, растение *Bupleurum*. Боярышник, кустовое ягодное деревцо *Crataegus*; *Crataegus oxyacantha et monogyna*, боярка, глуд, барыня, глудина, глог, талоно; *Crataegus melanocarpa*, черный глуд; *Crataegus pycnantha*, чашковое дерево, мушмула; *Crataegus sanguinea*, боярышник горный, сибирский. || **Белый боярышник**, *Rugus aria*, мучное дерево (*сема – цвет*).

В гнезде с вершиной **БОЯРИН** выделены четыре производных, относящихся к фитонимам. Первое (*боярка*), второе (*боярская-спесь*) и третье (*барская-снить*) производные связаны с вершиной семами 'свойство, историческая отсылка'. Четвертое (*боярышник*) производное связано с вершиной семами 'историческая отсылка', 'применение', 'цвет'.

¹ Курсивом в скобках дается комментарий автора статьи.

² Для удобства анализа был изменен порядок подачи материала, предложенный В. И. Далем.

КНЯЗЬ, м. (конь?, конь?, нормандск. Konung, как от Vicking витязь, от Pfenning пенязь?) начальник, властелин; владетель области, княжества; || почетное звание некоторых дворянских родов, от владетельных князей, или жалованных почетно. Князья величаются почетно. Князья величаются сиятельством, а иные, в том числе владетельные германские князья, светлостию. Князь мира сего, князь бесовский, сатана. Русские князья частью потомки бывших владетельных князей, частью признаны в этом звании из татарских мурз и ханов, или жалованы государями. Народ местами донныне, то шутя, то почетно, всякого татарина кличет князем. Князь, у тебя навозные вилы в воду свалились! Князь кормленщик, на кормлении. *новг. пск. стар.* взятый на службу, на жалованье, в войско, не для управы. Великий князь, встарь, повелевал удельными, как государь; ныне это сан всех вообще членов императорского дома, принц. При именах, иногда остается без склонения. Князь Григорья; князь Ивану. Князь, князек, князец, начальник инородцев сибирских, кавказских; у киргизов султан, у калмыков нойон.

Князек, м. долгий хлебный колос, полнее и выше прочих (*т. е. как и князь, выделяется*). || **Княженика**, ж. -ница, -ничка, ярс. вят. княжница, княжина, влд. влдм. княжанка, ивг. куст и ягода *Rubus Arcticus*, поленика, мамура, лапморшка, хохлянка, хохлушка (*форма части растения похожа на хохол, связанный бахромой*); || куст и ягода *Ribes Rubrum*, красная смородина. || **Княженичник**, м. куст, растение княженика; || водица, напиток из этой ягоды (*в данном случае актуализируется сема 'красный цвет', соотносимая с плащом-накидкой – символом княжеской власти, вероятно, восходящим еще к культу солнца (уместно вспомнить Владимира Красное Солнышко), когда князь представлялся носителем высшей власти на земле, подобно солнцу на небе; он, как солнце, освещал жизнь своих подданных, и они следили за его жизнью, как за солнцем, «определяя время», он был их «светом в окошке», целью жизни народа, особенно в военный период*). || **Княжек**, м. раст. *Atragene Alpina*, дикий хмель, петров крест, ветвина, вьюнец (*то, что вьется, лепестки крестообразны по форме*).

В гнезде с вершиной **КНЯЗЬ** выделено четыре производных, относящихся к фитонимам. Первое производное (*князек*) связано с вершиной семой 'размер'. Второе (*княженика*) и третье (*княженичник*) производные связаны с вершиной семой 'цвет'. Четвертое производное (*княжек*) связано с вершиной семами 'форма' и 'действие'.

ЦАРЬ, м. вообще государь, монарх, верховный правитель земли, народа или государства.

Царь земной под Царем небесным ходит, под Богом. **Царь-трава**, *Petasites*, подбел, чумной корень, лопух; || *Aconitum Lucoctonum*, см. лютик. **Царь-зелье**, *Delphinium elatum*, синичка, болгана, голубки. **Царь-мурат**, чертополох, репей, татарин, мордвинник, осот, волчец, колючка, *Carduus*. || **Царица лугов**, растение *Spirea ulmaria*, см. батер. || **Царевы очи**, растение *Drosera rotundifolia* || **Царевка**, яблоко, яблоня царский шип. || **Царский венец**, луковичное, лилейное растение *Fritilaria*. || **Царский скипетр**, растение коровяк, *Verbascum*. || **Царские кудри**, красная лилия, *Lilium martagon*. || **Цареградские стручки**, рожки, дерево и плод *Ceratonia siliqua*.

В гнезде с вершиной **ЦАРЬ** выделено десять производных, относящихся к фитонимам. Производные *царь-трава* и *царевка* соотносятся с вершиной семой 'размер'. Производные *царь-зелье*, *царь-мурат*, *царица лугов* связаны с вершиной семой 'сила, власть'. Названия растений *царевы очи*, *царский венец*, *царский скипетр*, *царские кудри*, *цареградские стручки* обусловлены семантическими компонентами вершинного слова 'размер', 'избранность', 'действие'.

Наиболее частотными в семантической структуре производных единиц являются семы 'форма растения' – напоминает физическое строение человека (72 семемы), 'размер растения' – соотносится с ростом человека (26 семем), 'действие' – растение ассоциируется с действиями человека (25 семем). Менее актуальны семы 'запах' (19 семем), 'цвет' (18 семем), 'место произрастания' (14 семем), 'отсылка к мифопоэтике' (10 семем). На наш взгляд, это подтверждает мысль о том, что «процесс семантических преобразований в лексическом значении слова связан с когнитивной эволюцией языкового сознания и отображает закономерности и тенденции изменения внутренней формы слова» [2, с. 30].

Выводы. Развитие внутрисловной деривации раскрывает особенности формирования коллективного языкового сознания. Именно во внутренней форме слова концентрируется та культурно значимая информация, которая позволяет определить актуальность экстралингвистической действительности для словообразовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / Ольга Петровна Ермакова. – М., 1984. – 152 с.
2. Сидорова Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функционально)

- нальный и когнитивный аспекты) : автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. А. Сидорова. – Нижний Новгород, 2007. – 47 с.
3. Потебня А. А. Мысль и язык / Александр Афанасьевич Потебня. – К. : СИНТО, 1993. – 192 с.
  4. Маслов Ю. С. Введение в языковедение / Юрий Сергеевич Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 152 с.
  5. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Избранные труды по языковедению ; [пер. с нем. яз. под ред. и с предисловием Г. В. Рамишвили] / Вильгельм Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – С. 136–162.
  6. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

УДК 159.923.81

Федонюк В. Е.

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПОПОЛНЕНИИ ЛЕКСИКОНОВ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

У статті аналізуються тенденції в розвитку сучасних слов'янських мов: збагачення їх словникового складу новими елементами, запозиченнями з англійської, термінами, вульгаризмами, жаргонізмами.

Ключові слова: слов'янські мови, словниковий склад, неологізм, запозичення, вульгаризм, жаргонізм.

В статье анализируются тенденции в развитии современных славянских языков: обогащение их словарного состава новыми элементами, заимствованиями из английского языка, терминами, вульгаризмами, жаргонизмами.

Ключевые слова: славянские языки, словарный состав, неологизм, заимствование, вульгаризм, жаргонизм.

The article represents analysis tendencies of evolution modern Slavonian languages: Enrichment of their vocabularies new elements, loan words from English and vulgar and cant elements.

Key words: Slavonian languages, vocabulary, neologism, loan words, vulgarism, cant.

Постановка проблемы. Новые социокультурные изменения, которые произошли в постперестроечное время в Чехии и Украине, повлияли на динамику развития их языков, вызвали инновационные процессы в их словарных составах.

Анализ публикаций. Исследованию современного состояния славянских языков и тенденций в их развитии постперестроечного периода посвящены работы Н. П. Савицкого, А. Г. Широковой, О. Мартинцовой, Е. А. Земской, О. П. Ермаковой, З. Рудник-Карватовой, Е. Пернишки, Г. П. Немищенко, А. Рангеловой, В. Радчук и др. Констатируя неизбежность процесса лексических заимствований, обусловленных потребностями общественного и культурного развития, авторы этих трудов – ведущие лингвисты Чехии, России и Украины, обращаются к актуальным теоретическим и практическим проблемам языковедения. Изменения, происходящие в их языках в последнее время, ученые рассматривают с позиции возможных негативных последствий в будущем.

Цель исследования – рассмотреть наиболее заметные инновационные процессы, проходящие в последнее время в чешском и украинском языках, определить возможные последствия при их дальнейшем нарастании.

Изложение основного материала. Процесс пополнения лексиконов современных славянских языков динамичен и противоречив, как и отображаемая в них действительность. Об этом свидетельствуют новые словари, чешские и украинские, появившиеся в послеперестроечное время в славянских странах, обращаться к которым нам приходится регулярно в связи с подготовкой нового «Чешско-украинского словаря».

Материалы этих изданий, в полной мере отразивших своеобразие нашего времени, однозначно свидетельствуют о том, что «общество и происходящие в нем социальные, экономические и культурные изменения не могут не оказывать влияния на различные уровни языка» [1, с. 366].

Смена господствующих политических режимов, произошедшая в Чехии и Украине приблизительно в одно и то же время и по сходному сценарию, а также заметное влияние мировых глобалистических тенденций на их политику и экономику вызвали сходные изменения в нормативно-узуальных характеристиках этих языков.

В чешском, относимом нами по объективным причинам к языкам переднего края, такие тенденции проявили себя раньше и активнее, чем в украинском. Это обстоятельство делает сопоставительный анализ современного состоя-

ния данных языков плодотворным в плане прогноза их будущего. Попытаемся выявить основные тенденции, которые активизировались в чешском и украинском языках под действием трансформации общества, оценить степень их выраженности в последние годы, а также представить возможные последствия этих процессов для данных языков.

Мы сознательно отходим от несколько упрощенного понимания изменений в обществе, когда все, имеющее отношение к его новому этапу (в данном случае к послеперестроечному времени – «демократическая неустойчивость»), рассматривается обязательно как развитие, прогресс и, следовательно, только как позитивное. На этом же основании все явления, характерные для тоталитарного периода («тоталитарный консерватизм»), не станут нами безусловно относиться к отрицательным. Усматривая в развитии общества два основных вектора – к консервированию существующего и к его обновлению, – мы и в процессах, происходящих в языке, также выделим базовую оппозицию с двумя полюсами: а) со ставкой на стабилизацию и низкую степень свободы и б) с размыванием стабильности и высокой степенью свободы [2, с. 390]. Такой подход дает возможность увидеть в языке динамичную, самоорганизующуюся систему, в которой происходит постоянное отклонение то к одному, то к другому из названных полюсов. Тенденции к самосохранению и обновлению, соотносимые с ними, всегда присущи живому языку. Перекос в сторону одного полюса включает через определенный период времени своеобразный компенсаторный механизм – активизацию и последующее нарастание противоположной тенденции, также сменяемой.

Определяющую, регулирующую роль для степени выраженности той или иной тенденции в языке играет общее направление развития общества. В языке, как в зеркале, отражается происходящее в социуме.

Подконтрольность процессов развития языка, жесткая система запретов и предпочтений при выборе языковых средств, существовавшие в тоталитарном обществе, привели к заметному обеднению языка и начали тормозить его развитие. Снятие этих ограничений на следующем этапе, наступившем вместе с изменениями в обществе, вызвало резкий крен в другую сторону – к размыванию норм литературного языка, что наблюдается в настоящий момент как в чешском, так и в украинском. В центральную часть языкового коммуникационного пространства ворвались и начали его заполнять элементы, ранее находившиеся на периферии – вульгаризмы, криминализмы, нецензурщина, элементы

речи наркоманов и других асоциальных групп общества. Этот процесс имел настолько массивный характер, что стал для носителей языка, воспитанных в условиях тоталитарного государства, своеобразной «шоковой терапией».

В послеперестроечное время агрессивный натиск со стороны вульгаризмов и ненормативной лексики в неожиданно резкой, грубой форме ощутили на себе словарные составы языков всего постсоветского пространства и стран бывшего социалистического содружества. Освобождение от моральных табу, принимаемое сначала ошибочно за проявление свободы, характерной для демократизации, привело к их проникновению в печать, рекламу, тексты художественной литературы. Это побудило профессионалов считать вульгаризацию как одну из ведущих тенденций в динамике современного чешского языка [3, с. 4]. На усиливающееся загрязнение ненормативной лексикой, как собственной, так и русской по происхождению, обращают внимание исследователи современного состояния украинского языка. Словари жаргонизмов свидетельствуют о том, что использование этой лексики, вольное употребление которой ранее строго ограничивалось специальными государственными органами, на Украине и дальше активизируется в разговорной речи, в печати и художественной литературе.

О явном повышении степени проникновения вульгаризмов в литературную зону обоих языков говорит и возрастающая включенность их в процессы словотворчества. Легализации таких языковых единиц в некоторой степени способствует и современная лексикография, ориентирующаяся на переиздание доперестроечных словарей и подготовку новых изданий преимущественно фиксирующего типа, неспособных в полной мере сыграть регламентирующую и рекомендательную роль. Не оспаривая потребность в создании лексиконов фиксирующего типа, нужных для изучения актуальной социолингвистической ситуации, заметим, что удовлетворение ее возможно лишь при одном условии: если наряду с ними достаточными тиражами будут выходить обычные общенациональные словари регламентирующего типа, ориентированные прежде всего на нужды рядовых носителей языка. Сегодня, когда лексикография в Украине, несмотря на обилие словарей, подготовленных специалистами самых разных профессий, все еще не поспевает за временем, а издание словаря порой воспринимается как выгодный коммерческий проект, а не дело государственной важности, увлечение словарями фиксирующего типа может сыграть с нами злую шутку. В этой ситуации словари фиксирующего типа при недос-

татке регламентирующих изданий способны и сами стать источником пополнения литературного языка сниженной лексикой.

В настоящее время в чешском и украинском языках сформировались реальные предпосылки для обогащения их словарных составов неолексемами. Поскольку потребность в таких единицах крайне велика и жизненно необходима, но не может быть реализована за счет только средств родного языка, пополнение как чешского, так и украинского, идет и путем заимствования из других языков. Параллельно с этим процессом происходит возвращение в активное употребление слов, находившихся ранее на периферии, а также создание собственных неологизмов.

Вхождение иноязычной лексики, учитывая ее объем и активность этого процесса для обоих языков, носит агрессивно-экспансивный характер. Наряду со словами, обладающими новым лексическим значением, в словарный состав стали входить и элементы, новизна которых носит формальный характер. Например: *konsensus* вместо чешского *souhlas* «согласие», *image* вместо *pověst* и адаптированного ранее в языке франкизма *renome* «репутация», *monitoring* вместо *sledování*, *pozorování* «отслеживание», *sponsor* вместо *dobrodinec* «благотворитель» и т. д. В связи со сходством описанного явления в обоих славянских языках опустим, из соображений экономии, иллюстрации на украинском материале.

Пополнение языка этими не новыми с точки зрения их семантики лексическими единицами приводит к засорению словарного состава языка, наносит удар по гармоничности языковой системы, нарушает принцип экономности.

Развертывание языковых инновационных процессов в описанном нами направлении связано с несколькими обстоятельствами. Назовем некоторые из них, наиболее очевидные. Это и повысившаяся открытость и активность международного обмена информацией, вызванная появлением новых информационных технологий, и значительно интенсифицировавшиеся в современном мире контакты между представителями разных стран и культур, важную роль в которых играют представители англоязычных государств, и удручающе высокая уязвимость славянских языков. В результате возникли условия для лавиноподобного вхождения в их словарные составы англицизмов и американизмов.

Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет именно о небывалом ранее по уровню интенсификации процессе заимствования, при котором объем входящих в конкретный язык элементов явно превышает возможности

этого языка их адаптировать. Ни чешский, ни украинский языки ранее в подобную ситуацию не попадали, хотя пополнение их словарей иноязычными лексемами, в частности, и с синонимическим значением, встречалось. Приведем пример. В прошлом веке, несмотря на наличие в чешском языке слов со значением «руководитель» – *vedoucí* «заведующий», *ředitel* «директор», в него вошел и англицизм *šef* (*chief*). Не выдержав конкуренции с синонимами – исконно чешскими лексемами, он сразу сместился на периферию словарного состава и стал использоваться в ограниченном количестве словосочетаний наподобие: *šef opery* «директор оперного театра», *šef kuchyně* «шеф-повар», при этом утратив ряд значений, присущих ему в языке-доноре, таких, как «лидер» и «вождь».

Сегодня, в условиях «драматической интенсификации» обмена, когда английский назойливо и агрессивно врывается в информационное пространство всех европейских культур, чешскому языку сил на сопротивление уже явно недостает. Возможно, именно этим объясняется обилие появившихся в нем слов неизменяемых, без выраженных грамматических маркеров, таких, как прилагательные *fasa* «чудесный», «знаменитый», «исключительный», *fěr* «справедливый», «уважительный», *frech* «заносчивый», «гордый», *chabrus* «физически слабый», «ослабленный», «больной», *open* «открытый», расшатывающих традиции чешского синтаксиса.

Описанную ситуацию с «бесконтрольным наплывом англицизмов» переживает сейчас и украинский язык. Англицизмы заимствуются как непосредственно из языка-донора, так и проникают через другие языки, прежде всего через русский. Последствия от вхождения элементов аналитического языка, к которым относится английский, и для украинского, и для чешского имеют негативный характер, поскольку атаке подвергаются сразу несколько уровней языка – фонетический, морфологический, синтаксический. Ослабевает фонетически и синтаксически окончание слова, под угрозой оказывается падеж. Англицизмы и американизмы активно вытесняют традиционные украинские лексемы. Так, в речи украинцев появляются *бойфренд* вместо *милий*, *музик-фест* вместо *музичний фестиваль* [4, с. 22–23].

Следствием активного внедрения англоязычной лексики в европейские языки стало формирование в их словарных составах своеобразного глобального фонда английских слов. При вхождении в язык-экцептор они начинают вступать в конкуренцию с его собственными лексическими единицами, обладающими близким, синонимичным значением, и выталкивают

их на периферию. Вытеснение родных лексем из зоны активного употребления в связи с внедрением в нее чужеродных элементов вносит изменения не только в сам язык, но и в ментальный мир его носителей. Ведь звук, оторванный от мысли, теряет все специфические свойства, которые только и сделали его звуком человеческой речи. Равно как и значение, оторванное от звуковой стороны слова, превращается в чистое представление, в чистый акт мысли [5, с. 13].

Через язык вместе с новым словом в культуру народа входят и новые ценности, ему ранее не присущие, не характерные для него, а порою вступающие в противоречие с духом народа. Рассмотрим это на конкретном примере. В чешский и украинский языки вошли и стали активно использоваться английские лексемы *business* и *business man*, несмотря на существование в обоих языках слов для названия как данной деятельности, так и ее субъектов, ср. чеш. *podnikatelství, podnikatel*; укр. *підприємництво, підприємець*. Эти чешские и украинские лексемы для носителей славянских языков являются семантически прозрачными, поскольку связаны для них с понятием «предприятие как место осуществления трудовой деятельности». Заимствования из английского *byznys, byznysmen, бізнес, бізнесмен* лишь частично соотносятся с отодвинутыми ими на задний план славянскими словами, поскольку, кроме семантического компонента «трудовая деятельность», включают еще и другие – «торговля», «спекуляция» и «безудержная погоня за выгодой» [6, с. 105].

Заметные изменения при пополнении словарного состава в обоих языках отмечены нами на уровне не только отдельных слов, но и их частей, прежде всего, иноязычных, давно адаптированных. Некоторые из них развивают новые, чаще всего оценочные, значения, продолжая и дальше активно использоваться в традиционном значении при образовании неологизмов. Это касается, например, префикса *anti-* в чешском языке, который наряду со значениями «анти» и «против» развил еще несколько: «некачественный», «плохой» в словах *antifotbal, antihokej*, «непривлекательный», «неинтересный» в *antisexu*, «чудесный», «блестящий» – *antimanažer*.

Дополнение системы иноязычных префиксов новыми привело к расширению синонимии и омонимии в словообразовательных средствах. Например, привело к омонимии в словах с *auto-*, в которых эта часть может означать и «самостоятельно» – *autovzdělanec*, и «автомобильный» – *autotelefon*; *bio-* «природный» – *bioléčivo*, «биометеорологический» – *biopředpověď*, «биоэнергетический» – *biopole*; *eko-* «экономический» –

ekovůz и «экологический» – *ekoaktivista*; *makro-* «большой, значительный» – *makroprojekt* и «макроэкономический» – *makroregulace*; *para-* «парашют» – *paraškola* и «больной на» – *paraplegie*; *post-* «по-» – *postkomunismus* и «почтовый» – *postfax*; *tele-* «на расстоянии» – *telekonference* и «телевизионный» – *Teleturnaj* и т. д. В некоторых случаях при краткой коммуникации, без достаточного контекстуального или ситуативного фона, адекватно понять значение таких единиц трудно.

Дополнительные трудности для восприятия передаваемой информации создает поток новых сложносокращенных слов на базе английских словосочетаний (*AIDS, CD, CD-ROM, CD-RW, DVD, VHS, DPN, HIV, PIN, PR, RAM, BSE, DJ, GSM, HR, GMO, JCT, JT, NUTS, PC, PET, VIN, VIP*), среди которых также встречаются омонимы и синонимы. Интенсивное использование таких элементов на страницах общедоступных печатных изданий, выходящих на родном языке, усложняет понимание их текстов.

Еще одной особенностью развития современного чешского, равно как и украинского, можно считать то, что стремительное пополнение их неологизмами сопровождается таким же активным выходом из употребления и архаизацией большого количества ранее общеупотребительных слов. Достаточно часто эти прежде нейтральные или с положительной коннотацией лексемы пополняют ряды слов с отрицательным оценочным значением. На периферию чешского языка сегодня ушли такие характерные для недавнего прошлого слова и словосочетания как *soudruh* «товарищ», *bratská pomoc* «братская помощь», *realní socialismus* «реальный социализм» и т. д.

У некоторых из подобных слов изменился характер коннотации с положительной на негативную. Это относится к заимствованию *bolševik*, развившему несколько оценочных значений, и производному *bolševiada* со значением «период господства коммунистов», а также к другим словам, образованным из заимствованных и чешских компонентов: *starobolševik, starosoudruh, starokomunista* «убежденный сторонник коммунизма, его теории и практики», *starobolševický, starosocialistický* и др.

В значениях таких слов, имеющих наравне с денотативным и сигнификативным компонентом также и некоторые другие, можно выделить идеологический компонент. Он маркирует для носителей языка предмет по принципу принадлежности к системе идеологических ценностей. У отдельных слов этот компонент значения может стать ведущим. В различные периоды развития языка такие лексические единицы могут

изменять свое оценочное значение от позитивного к негативному и наоборот.

В некоторых идеологизмах, переходящих из эпохи в эпоху без изменения характера их оценочного компонента, новое идеологическое содержание вкладывается через сдвиг в денотативном и сигнификативном значениях. Например, подобная метаморфоза в чешском и украинском языках произошла с лексемами *fašizmus*, *fašista*, *фашизм*, *фашист*. Эти слова, первоначально используемые в обоих языках для обозначения «политического движения, возникшего в ряде стран накануне второй мировой войны», не изменив негативного оценочного значения, стали обозначать явления наших дней, никак не связанные с войной: *zelený fašizmus* «акция приверженцев экологического движения», *zelený fašista* «сторонник экологического движения». Базой для такой трансформации у анализируемых слов стало появление у них переносных значений с компонентом «использование насильственных способов отстаивания своих взглядов», что приблизило их семантически к *terorizmus*, *terorista*, имеющих также негативное оценочное значение.

Подобные процессы наблюдаются и в современном украинском языке, впрочем, с некоторыми отличиями, вызванными местной спецификой. Выйдя из активного употребления, лексема *товарищ* не нашла себе замену в архаизме *пан*, как это произошло в Чехии. Используемые в разное время на Украине для обращения к другому лицу слова – *пан*, *добродій*, *громадянин* по разным причинам (идеологическим, политическим, культурным) так и не получили статус общенациональных. Лексема *москаль*, которая и раньше использовалась как негативная оценочная номинация со значением «русский», сохраняя и дальше за собой это значение, в жаргоне автолюбителей начала использоваться для обозначения машин марки «Москвич», производимых в России. Только историческими обстоятельствами, в которых проходило становление украинской государственности, можно объяснить, почему в украинском языке к сохранившейся свое оценочное значение лексеме *москаль* добавилась новая номинация с негативным значением «новый русский».

Приведенные выше примеры показывают, что неологизация словарного состава языка, помимо необходимости отразить изменения в политической и экономической жизни общества, имеет и другую причину. Появление новых слов объясняется стремлением членов общества выразить свое отношение к происходящему с высокой степенью оригинальности и экспрессивности.

Об этом свидетельствует большое количество новых экспрессивных выражений, появившихся в чешском языке, например, со словами, называющими цвет: *černá čísla/nula* используется для «положительной оценки хозяйственной деятельности предприятия», *černý kůň* обозначает того, «кто может чем-то выделиться в конкурентной борьбе»; *červená čísla/nula* дает «отрицательную оценку хозяйственной деятельности предприятия»; *červená karta* – выражение «недоверия, запрета деятельности», *zelená daň* обозначает «налог на производство изделий с вредным воздействием на окружающую среду»; *zelená linka /zelené číslo* – «телефонная линия или номер, за использование которых платит ее хозяин»; *zelený fašista* – «эколог»; *zelený fašizmus* – «экологическое движение»; *zelený halěř* – «специальный налог для производителей электроэнергии»; *zelený parlament* – «группа специалистов, которая решает проблемы экологии» и т. д. Сравним с примерами такого типа в украинском: *біла гвардія*, *біле братство* – «кокаинисты», *зелена конференція*, *зелений ресторан* – «пикник на лоне природы», *зелений корпус* – «парк им. Шевченко возле университета в Киеве», *сині справи* – «пьянство», *сині пригоди* – «милиция».

В статье мы рассмотрели некоторые тенденции, проявившиеся при пополнении словарного состава чешского и украинского языков. Анализ лексики, вошедшей в оба языка в последнее время, показал, что в их развитии преобладают сходные тенденции: «демократическая неустойчивость», «размывание стабильности», «детабуированность».

Собранный нами материал позволяет сделать некоторые **выводы** относительно дальнейшего развития чешского и украинского языков. В частности, он показывает, что в постперестроечное время, по мере нарастания вызванной им «неустойчивости» лексического состава этих языков, несмотря на прогрессивный в целом характер происходящих в этих языках изменений, бесконтрольность со стороны общества может привести к нарушению их системности (через понижение нормированности литературной формы, засорение общенационального словаря избыточными синонимами и омонимами и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф. М. Общее языкознание / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 366 с.
2. Супрун В. И. Тоталитаризм/демократизация и язык / В. И. Супрун // Слово во времени и пространстве. – СПб. : Фолио-Пресс, 2004. – С. 389–392.

3. Savický N. P. Pohyb ve slovní zásobě a v neologii / N. P. Savický // Konfrontační studium inováčních procesů ve slovanských jazycích. – 1999. – S. 4–7.
4. Радчук В. Укруслиш – мова майбутнього? / В. Радчук // Урок української. – 2006. – № 3–4. – С. 22–27.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь / Лев Семенович Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 416 с.
6. Holub J. Stručný etymologický slovník jazyka českého / J. Holub, S. Lyer. – Praha, 1978. – 483 s.

УДК 811.512.19:81”373.7

Эмирова А. М.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

У статті охарактеризовано сучасний стан кримськотатарської фразеології, визначені її основні поняття та категорії: семантичні типи, системні відносини, семантико-граматичні й стилістичні розряди та ін.

Ключові слова: фразеологія, ідіоматика, фразеологічна система, фразеографія.

В статье охарактеризовано современное состояние крымскотатарской фразеологии, определены её основные понятия и категории: семантические типы, системные отношения, семантико-грамматические и стилистические разряды и др.

Ключевые слова: фразеология, идиоматика, фразеологическая система, фразеография.

In the article the modern state of Crimean Tatar phraseology is characterized, its basic notions and categories are defined: semantic types, system relationships, semantic-grammatical and stylistic classes and others.

Key words: phraseology, idiomatics, phraseological systems, phraseography.

Постановка проблеми. Владеть языком – значит прежде всего владеть его словарным составом и грамматикой, т. е. уметь использовать слова в присущих им значениях и сочетать их друг с другом, образуя предложения. Однако в методике преподавания языка существует особый критерий владения языком – это использование в речи фразеологических единиц, т. е. разного типа устойчивых сочетаний слов. Совершенное владение языком предполагает наличие во внутреннем лексиконе говорящего (запасе языковых единиц разного уровня) около 700–800 фразеологических единиц, которые он понимает и умеет использовать в своей речевой деятельности.

Известно, что фразеология является самой сокровенной, специфической частью любого языка: в ней отражаются характерные особенности языка, в том числе устаревшие языковые категории, а также «картина мира» народа – его повседневный быт, история, суеверия, религиозные догматы, психический склад и пр.

Анализ научной литературы показал, что фразеология крымскотатарского языка до сих пор не была объектом всестороннего научного осмысления с применением современного концептуально-терминологического аппарата.

Цель данной работы – описать базовые понятия и категории крымскотатарской фразеологии, которые могут лечь в основу её дальнейшего изучения. (Фразеологический материал извлечен из [1]).

Изложение основного материала.

1. Объём и границы фразеологии

Термин *фразеология* (от греч. phrasis – выражение) используется в двух значениях: 1) совокупность фразеологических единиц (ФЕ), 2) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка. Предметом изучения фразеологии как науки является исследование природы фразеологических единиц (по сравнению со словом и свободным словосочетанием), их дифференциальных признаков, способов образования и особенностей употребления в речи.

Фразеологические единицы – это устойчивые по форме и содержанию сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде, обладающие целостным, часто образно-переносным значением, способные выражать чувства и оценки говорящего и активно воздействовать на мысли, эмоции и поведение слушающего. Различают фразеологию в узком и широком смысле слова.

Фразеология в узком смысле слова – это идиоматика, т. е. совокупность идиом. Идиомы (от греч. idioma – особенность, своеобразие) – это устойчивые эмоционально-образные сочетания слов с переносным значением, выполняющие в предложении функции одного члена предложения. По семантической классификации фразеологических единиц, разработанной В. В. Виноградовым [2, 3] и дополненной Н. М. Шанским [4], это так называемые фразеологические сращения и фразеологические единства. Фра-

зеология в широком смысле – это различные по значению и грамматической структуре устойчивые сочетания слов неидиоматического характера, обладающие аналитическим значением.

2. Семантическая классификация фразеологических единиц

Семантическая классификация фразеологических единиц учитывает соотношение общего значения фразеологической единицы со значениями её словных компонентов. С точки зрения степени семантической слитности фразеологизмы принято делить на следующие группы: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Фразеологические сращения – это устойчивые по форме и содержанию обороты, общее значение которых абсолютно не мотивировано значениями их словных компонентов: *шам ёлу тюм-тюз олмакъ* ‘кто-либо ничего не боится, кому-либо всё нипочём’; *алдар агъачына миндирмек кимни* ‘вводить в заблуждение кого-либо’; *ала байрагъыны тиклемек (алмакъ)* ‘выходить за рамки дозволенного; вести себя не так как принято’, и др.

Фразеологические единства – это устойчивые сочетания слов, общее значение которых мотивировано совокупным значением свободного словосочетания-прототипа: *ахрет ёлуна тюшимек* ‘умирать’; *козь боямакъ* ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-либо’; *адым атмагъа ер олмамакъ* ‘находиться в тесноте’; *капиксиз деллял* ‘сплетник, сплетница’ и т. п.

Фразеологические сращения и фразеологические единства имеют примерно одинаковую – высокую – степень семантической слитности, что порой затрудняет их дифференциацию. Отличие их состоит в том, что фразеологические сращения, в составе которых могут быть лексические и грамматические архаизмы, имеют стёршуюся, забытую внутреннюю форму (мотивировку значения), в то время как фразеологические единства имеют прозрачную внутреннюю форму, т. е. их значение мотивировано значением свободных словосочетаний-прототипов. Например, значение устойчивого оборота *ат ойнатмакъ* ‘подчинять себе окружающих, иметь большую власть над всеми’ на первый взгляд кажется немотивированным. В таком случае этот фразеологизм можно квалифицировать в качестве фразеологического сращения. Однако если знать, что предки крымских татар разводили лошадей и были воинами-конниками, владевшими искусством верховой езды, тогда становится понятной мотивировка общего фразеологического значения – гарцевать на коне, демонстрируя свои власть, богатство и силу.

Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, в составе которых имеются слова со свободным и связанным значением: *юкъугъа далмакъ* ‘засыпать’; *къасеветке далмакъ* ‘беспокоиться’; *юкъу басмакъ кимни* ‘внезапно заснуть’; *аизар чекмек* ‘рыдать, стонать’; *асрет чекмек* ‘тосковать’; *никях къыймакъ* ‘заключать никях (помолвку)’; *иши чатал (дюдюк) кимнинъ* ‘плохи дела у кого’ и др. Как видно из приведённых выше примеров, первые лексемы в составе данных устойчивых оборотов имеют прямое свободное значение, а вторые – переносное фразеологически связанное значение. Например, лексема *далмакъ* имеет прямое свободное значение ‘нырять’, но в сочетании со словоформами *юкъугъа*, *къасеветке* приобретают переносное значение ‘находиться в физическом или эмоциональном состоянии, названном предыдущим словом’. Прямое свободное значение лексемы *чекмек* – ‘тянуть, вытягивать’, но в данных устойчивых оборотах она актуализируется в значении ‘испытывать определённое чувство как процесс’.

Фразеологические выражения – это устойчивые сочетания, состоящие из слов со свободным значением и потому семантически членимые. Фразеологические выражения делятся на две группы – номинативного и коммуникативного характера. Фразеологические выражения номинативного характера – устойчивые обороты, состоящие из слов со свободным значением и называющие какие-либо предметы, явления: *мерамет эви* ‘дом милосердия, приют для одиноких стариков и инвалидов’; *бала багъчасы* ‘детский сад’, *Америка Къошма Штатлары* ‘Соединённые Штаты Америки’, *къырымтатар ве тюрк тильшынаслыгъы кафедрасы* ‘кафедра крымскотатарского и турецкого языкознания’ и др. Фразеологическими выражениями номинативного характера можно считать также сверхсловные термины и номенклатуру разных сфер знаний и производства, которые называют и выражают специальные понятия и предметы: *фрикатив сеслер*, *муреккеп джумле*, *сёз чешитлери*, *фишлерде заман категориясы*; *миокард инфаркты*, *акъджигер янгъысы*, *отъ къувугъы* (‘жёлчный пузырь’) и др.

Фразеологические выражения коммуникативного характера – это устойчивые предложения разного типа: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения. Из них только пословицы используются в переносном значении: *Зорнен намаз Аллагъа ярамаз*. *Эв ясагъан балта тышарда къалыр*. *Къасап эвинде эт тапылмаз*. *Агъламагъан балагъа эмчек бермезлер*. *Сув акъар – къум къалыр*. *Домуздан бир къыл къопса да – файда*. *Къарт къашкъыр адашмаз* и др. Осталь-

ные фразеологические выражения употребляются в прямом значении: *Гузеллик базарда сатылмаз. Иненен кую къазылмаз. Янълышмагъан – бир Алла. Яшлыкъ эки кельмей: бир кельгенде, къадрини биль. Эв алма – къомишу ал* и др. Встречаются и промежуточные типы фразеологических выражений, в составе которых имеются слова с прямыми и переносными значениями: *Яшлыкъ – омюрнинъ чечеги. Тиль – юрекнинъ анахтары(дыр). Ватан ичюн откъа тюшсенъ, янмазсынъ. Эчки берген кюй алыр, ич бермеген не алыр?* и др.

Пословицы и поговорки (паремии) можно отнести к фразеологии условно: они считаются также фольклорными единицами и включаются в специальные словари пословиц и поговорок.

3. Лексический состав крымскотатарских фразеологических единиц

Основная часть фразеологизмов состоит из разных категорий слов общепонятного языка, которые используются в нём в свободном значении. В составе фразеологических единиц, особенно идиоматического характера, значения слов претерпевают изменения на семном уровне (процессы сужения, расширения, абстрагирования, обобщения значения) и в сочетании со значениями других компонентов фразеологических единиц формируют их новое, фразеологическое, значение.

Довольно значительную группу образуют фразеологические единицы, включающие в свой состав соматическую лексику. Соматизмы – это слова (реже – словосочетания), называющие части тела и органы человека и животных: *агъыз* ‘рот’, *аякъ* ‘нога’, *баш* ‘голова’, *бурун* ‘нос’, *козь* ‘глаз’, *къол (эль)* ‘рука’, *тиль* ‘язык’, *юрек* ‘сердце’ и др. Такие лексемы используются в составе фразеологических единиц в разных грамматических формах, свойственных именам существительным. Например, в словаре [1] встретилось следующее количество соматических фразеологизмов: с лексемами *агъыз* – 25, *аякъ* – 8, *баш* – 36, *бурун* – 10, *козь* – 34, *къол (эль)* – 11, *тиль* – 16, *юрек* – 5 единиц. Соматизмы в составе фразеологизмов определяют общий характер их семантики и способствуют формированию фразеологических полей. Так, наличие в составе фразеологических единиц лексемы *баш* может свидетельствовать об их отнесённости к семантическому полю когнитивной (познавательной) деятельности человека: *башындан чыкъмамакъ кимнинъ, башы (къафасы, мийи) ишлемек кимнинъ, башына бир шей кирмемек кимнинъ*. Фразеологизмы с компонентом *баш* могут характеризовать также эмоциональное и/или физическое состояние человека: *башына беля ачмакъ кимнинъ, башына юген кечирмек кимнинъ, ба-*

шына (елькесине) минмек кимнинъ, башындан аткъармакъ нени, башыны кутьмек кимнинъ, башыны таиштан таишкъа урмакъ и др. Фразеологизмы с компонентами *тиль, агъыз* обычно характеризуют и оценивают речевую деятельность человека: *тили бир къарыш олмакъ кимнинъ, тили къашынмакъ кимнинъ, тилине (агъзына) тюшмек кимнинъ, тилининъ ольчюсини бильмемек, тильге (агъызгъа) тюшмек* и др.

Соматическая фразеология является языковой универсалией, т. е. встречается во всех языках мира. Этот феномен обусловлен особенностями физиологии и психологии человека, которые не зависят от его расовой и национальной принадлежности. Познание человеком окружающего мира происходит на базе ощущений, осуществляемых органами чувств, рецепторами – глазами, ушами, носом, ртом, языком. Кроме того, человеческое тело с младенческих лет является основным ориентиром человека в реальном физическом пространстве. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего мира человеку «удобнее» соотносить прежде всего с частями своего тела, которые служили и служат мерой объёма, расстояния и положения в пространстве [5, с. 41–42]. Психическая же деятельность человека (познание-мышление, эмоции и оценки), недоступная прямому наблюдению, моделируется человеком по образу и подобию реального мира.

В составе фразеологических единиц часто встречаются и имена числительные, набор которых обычно обусловлен особенностями этнической культуры. Так, в указанном выше словаре [1] встретились фразеологизмы с компонентами *бир* ‘один’ – 25, *дёрт* ‘четыре’ – 4, *къыркъ* ‘сорок’ – 3, *эки* ‘два’ – 9 единиц. Можно выделить фразеологические единицы, в составе которых встречаются прилагательные цветообозначения в переносных, символических значениях; *акъ* ‘белый’ (*акъ сюек, акъ джигер*), *къара* ‘чёрный’ (*къара сюек, къара хабер, къара джигер, къара джашль, къаралар киймек*) и др.

В отдельную группу можно выделить так называемую этнокультурную фразеологию. Этнокультурный компонент значения можно обнаружить в содержании тех фразеологических единиц, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ-носитель языка, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, обычаи, онимы (собственные имена) разного типа, предметы повседневного быта – одежда, обувь, пища, посуда, мебель, орудия труда и др. Примеры: *агъасы гъазы (гъазылардан) кимнинъ* ‘человек, занимающий высокое общественное

положение, обладающий властью, большим влиянием' (*гъязы* – борец за ислам в средние века); *деве минареге чыкъкъанда* 'неизвестно когда, в неопределённом будущем, никогда' (*деве* 'верблюды'; верблюды в Крыму были типичным выючным животным вплоть до начала XX в.; *минаре* – минарет, с которого оглашается призыв к молитве – эзан); *башыны таштан таикъа урмакъ* 'испытывать чувство горя, отчаяния, раскаяния' (в такой форме – биться головой о камни, стены – было принято выражать указанные чувства); *дёрт тарафынъ къыбла* 'уходи, убирайся на все четыре стороны!' (*къыбла* – направление Мекки, Каабы, куда обращаются лицом во время молитвы); *къокъу чыкъармакъ* 'готовить вкусно пахнущую еду, обычно мясную, в канун мусульманских праздников Ораза-байрам и Къурбан-байрам'; *Алининъ къалпагыны Велиге, Велининъ къалпагыны Алиге кийдирмек* 'совершить безрезультатный обмен, перестановку'; ср. рус.: *променять шило на мыло* (*Али* и *Вели* – типичные мужские имена крымских татар; *къалпакъ* – традиционный мужской головной убор, сшитый из мерлушки); *Алланынъ (Танърынынъ) бахтлы къулу* 'счастливый, везучий' (*Аллах* – единый бог в исламе; *Танъры* – неперсонифицированное мужское божественное начало доисламского периода), *Танърынынъ узурьна кетмек* 'умереть' и др. [6].

В составе фразеологизмов могут встретиться лексемы, которые вне данного фразеологического оборота не используются. Например, лексема *запарта* сочетается только со словами *чекмек*, *бермек*, *алмакъ*: *запарта чекмек кимге* 'критиковать, отругать, сильно избить кого'. К этой же группе можно отнести звукоподражательные квазислова (ложные слова). В составе фразеологизма *арман* (*арман-серман*) *савурмакъ* в значении 'разбить в бою, разбросать' квазислово *серман* не имеет самостоятельного значения и в других контекстах не употребляется.

4. Семантико-грамматическая (частеречная) классификация фразеологических единиц

Распределение фразеологизмов по частеречным разрядам касается только тех единиц, которые выражают не законченную мысль, не суждение, а понятие и, следовательно, могут выполнять функции одного члена предложения. К таким единицам относятся прежде всего идиомы, фразеологические сочетания и фразеологические выражения номинативного характера. Традиционно выделяются субстантивные, глагольные, адъективные, наречные и междометные фразеологические единицы.

Субстантивные фразеологические единицы (соотносительные с именами существительными) имеют грамматическое значение предметно-

сти. В предложении они выполняют синтаксические функции, свойственные именам существительным, однако их синтаксическая роль зависит от степени их семантической слитности. Идиомы выполняют преимущественно функции именного сказуемого: *капиксиз деллял, домуз огълу домуз, деведен къулакъ* и др. Фразеологические выражения номинативного характера могут выполнять в предложении синтаксические функции подлежащего, именного сказуемого, дополнения, обстоятельства: *Таврия девлет университети, Бутюндюнья къырымтатар конгресси, эдебий тиль* и др.

Адъективные фразеологические единицы (соотносительные с именами прилагательными) обозначают различные качества и признаки предметов. В предложении они выполняют функции именного сказуемого: *агъзы бар, – тили ёкъ кимнинъ, аршын тили Шерифе, бир тахта-сы этишмей (эксик) кимнинъ, анадан догъма, Алланынъ бахтлы къулу, акъылдан зайыф, бедавадан беш ашагъы, ашыны ашагъан, яшыны яшагъан* и др.

Самую большую в количественном отношении семантико-грамматическую группу образуют глагольные фразеологические единицы. Они обозначают действия и состояния предметов и выполняют функции глагольного сказуемого: *авасыны (дюдюгини) чалмакъ кимнинъ, агъзыны юммакъ, агъызгъа бермек кимни, ат ойнатмакъ, аякъ тюбюне алмакъ кимни, бир сёзге кельмек, башындан аткъармакъ нени, бурнуны сокъмакъ неге, дудакъларыны салындырмакъ, зыкъы бермек кимге, ёл ачмакъ кимге, ёлуну шашырмакъ, зытына басмакъ кимнинъ, козь ташламакъ кимге, неге, козь ойнатмакъ, сув корьмеден папуч чыкъармакъ, турнанынъ къонгъан ерини косьтермек кимге, козюне кирмек кимнинъ, козлерини юммакъ* и др.

Адвербиальные (наречные) фразеологизмы обозначают различные обстоятельства протекания действия и реализации состояния: *Адем атанынъ кунюнде, козь ачып юмгъандже, зерре къадар, деве минареге чыкъкъанда, аювлар къыркъылгъанда, агъзыны толдурып (айтмакъ), бир бакъышта, экиде бир, адым сайын, он (къыркъ) йылда бир* и др.

Междометные фразеологические единицы выражают эмоции и оценки говорящего, его волеизъявления, а также обслуживают сферу речевого этикета: *Агъзынъа агъач кирсин! Алла бойнунъ урсын! Амма да шей! Дёрт тарафынъ къыбла! Ана санъа! Айды шуны! Гедженъиз хайыр! Алла разы олсын! Ёлунъ ачыкъ олсын! Аллагъа шукюр!* и др.

Можно выделить также модальные (*догърусыны айткъанда, бир тарафтан, дигер тараф-*

тан, шай этил) и союзные фразеологизмы (онынь ичюн, шу себеттен, ондан долайы).

5. Структура фразеологических единиц

Как устойчивые сочетания слов фразеологические единицы построены по определённым синтаксическим моделям, свойственным данному языку. Выделяют фразеологизмы, соответствующие по структуре словосочетаниям и предложениям.

1. Фразеологизмы, по структуре соответствующие словосочетаниям, в крымскотатарском языке представлены следующими моделями:

а) Падежная форма существительного + глагол: *авагъа савурмакъ нени, адам таньмамакъ, аякъкъа турсатмакъ кимни, аякъ чалмакъ кимге, богъаз кермек, ёлунь кесмек кимнинь, козюни боямакъ кимнинь* и др.

Эта же модель может быть осложнена падежными формами других существительных: *агъзыны ельге ачмакъ, акълы ерине кельмек кимнинь, акълыны башына топламакъ, анасыны айгъа бакътырмакъ кимнинь, башына беля ачмакъ кимнинь, башыны белягъа къоймакъ кимнинь, башыны таштан ташкъа урмакъ, дюнья юзю корьмек, пириден деме ялмакъ, устюне тоз къондурмамакъ кимнинь* и др.

б) Имя прилагательное + имя существительного: *акъ сюек, къара къыш, къара сюек, сагъыр мелек* и др.

в) Имя существительное + имя существительное в различных грамматических формах (разного типа изафетные конструкции): *темель ташы ненинь, къартлар (мерамет) эви, анасынынъ къызы, джан досту кимнинь, къан душманы кимнинь, аталар сёзлери, иши дюдюк (чатал, къартон) кимнинь, лафы арам ненинь, акъыл хазинеси* и др.

Значительная группа фразеологических единиц построена по нерегулярным синтаксическим моделям: *анань яшы, бабань яшы демек кимге; азыргъа дуаджы; не сют, не ёгъурт; не шап, не шекер* и др.

Фразеологические выражения коммуникативного характера имеют структуру разных типов предложений. Простые предложения – как односоставные, так и двусоставные: *Тавукъ сув ичер де, Аллагъа бакъар. Тиш этинден къарын тоймаз. Догъру сёз демир делер. Яланнынъ ёлу къыскадыр. Ач къадрини токъ бильмез. Ачнынъ козюне юкъу кирмез. Чокъ дингле, аз сёйле. Унерли къолда берекет бар. Тавукъ къакъылдамай къозламаз. Таздан таракъ сорама* и др. Сложные предложения разного типа – сложносочинённые, сложноподчинённые и бессоюзные с разными видами синтаксической связи между их составляющими: *Сёз буюкнинь, сув кичикнинь. Байнынъ парасы чокъ, фукъаренинь – баласы.*

Иштен дост артар, ошектен – душман. Тыштан – безек, ичтен – тезек. Узакъ ёл атны сынар, агъыр ёл – эрни. Тазгъа таз демесень, озюне къуйна дер. Топал кочьсе, тоз къонар. Кельсе – тёрюм бош, кельмесе – даа хош. Эр кес атыны къошкъанда, о да тайыны къошар. Халкъ таньса, дюнья таньыр. Заман сангъа уймаса, сен замангъа уй и др. Как видно из приведённых примеров, подчинительные отношения между частями сложных предложения выражаются преимущественно интонационно, без союзов.

6. Крымскотатарская фразеология с точки зрения происхождения

Фразеологические единицы крымскотатарского языка с точки зрения происхождения можно разделить на следующие группы: исконно тюркские, заимствования и фразеологические кальки. Среди исконно тюркских фразеологических единиц можно было бы выделить общетюркские и собственно крымскотатарские единицы. По мнению проф. Бекира Чобан-заде, современные тюркские языки сохранили бóльшую близость с языками предшествующих периодов, чем это наблюдается в других языковых семьях. Объяснение этому учёный видел в том, что тюркские народы, в связи с кочевым образом жизни, вплоть до XVII века были тесно связаны друг с другом [7, с. 118]. Учитывая сказанное, можно утверждать, что значительная часть крымскотатарской фразеологии относится к общетюркскому фонду: *эки аягъыны бир чызмагъа сокъмакъ кимнинь, якъасына япышмакъ кимнинь, сафсата сатмакъ, устюн чыкъмакъ, козю дёрт кимнинь, козь боямакъ; Къызым, сангъа айтам, келиним, сен дингле* и др. (ср. [8]).

Среди ранних заимствований в крымскотатарском языке можно выделить устойчивые обороты из Корана: *Бисмиллях-ир-рахман-ир-рахим! Селям алейкум! Аллагъа шукюр! Аллагъа эманет! Эмир Алланынъ! Аллаху экбер! Иляхи я-Рабби! Ильхамдулиллях мусульманым!* и др. Более поздние заимствования из русского языка представляют собой преимущественно кальки: *бир аягъы мезарда олмакъ кимнинь* (ср. рус.: *быть одной ногой в могиле*); *бир къазанда къайнамакъ* (ср. рус.: *вариться в одном котле*); *бир къулагъына кирип, экинджисинден чыкъмакъ* (ср. рус.: *в одно ухо входит, из другого выходит*); *буланыкъ сувда балыкъ тутмакъ* (ср. рус.: *ловить рыбу в мутной воде*); *ер тюбюнден тетип чыкъкъан киби* (ср. рус.: *как из-под земли выскочить*); *кокчен энген киби* (ср. рус.: *как с неба свалился*) и др. [9]. Особенно много калек среди фразеологических выражений номинативного характера, употребляемых в книжных (официально-деловом, публицистическом, научном) стилях: *Америка Къошма Штатлары,*

Къырым муэндислик-педагогика университети, Къырым Мухтар Джумхуриети, лексик-семантик вариант, сёзнинъ ичерки шекли, сёзнинъ лексик манасы и др.

7. Основные способы фразообразования

Основной способ образования крымскотатарских фразеологических единиц идиоматического типа – это метафорическое употребление свободных словосочетаний: *авагъа савурмакъ нени, адым атмагъа ер олмамакъ, аджджы бибер ютмакъ, акъыл къоймакъ кимге, араларына шына къакъмакъ кимнинъ, астыны устуне чевирмек нени, арман савурмакъ нени, арабасыны тувармакъ кимнинъ, атеш пуськюрмек, башы кокке тиймек кимнинъ, башына бир шей кирмек кимнинъ, башыны къашытмагъа вакъты олмамакъ кимнинъ, бир текненинъ хамыры, бойнуна юклемек нени, ёлуны шашырмакъ, ёл ачмакъ кимге, ёлуны кесмек кимнинъ, мийине сюме тюшмек кимнинъ, пусласыны джоймакъ и др.*

Метонимия как особый тип переноса наименования тоже лежит в основе фразеологического значения идиом: *агъзына чёп биле алмамакъ, агъзыны ачмамакъ, агъзыны юммакъ, агъызларгъа тюшмек, аякъ басмакъ, богъаз кермек, козьлерини юммакъ, къолу чебер кимнинъ, къаны башына урмакъ кимнинъ, кемиклери чыкъып къалмакъ кимнинъ и др.*

Значение небольшого количества фразеологических единиц сформировалось на базе алогизма: *язда къар ягъгъан сонъ, аювлар къыркъылгъанда, деве минареге чыккъъанда и др.*

8. Стилистическая характеристика фразеологических единиц

Со стилистической точки зрения, крымскотатарская фразеология может быть разделена на следующие разряды: разговорно-бытовые (диалектные), книжные и межстилевые фразеологические единицы.

Основная масса исконно тюркских фразеологических единиц крымскотатарского языка возникла в различных территориальных говорах и наречиях, поэтому их можно квалифицировать в качестве диалектно-разговорных образований: Это преимущественно идиомы: *кемиги къатмакъ кимнинъ, эбедий юкъугъа далмакъ, отю патламакъ кимнинъ, давулгъа къоюп зурнагъа чалмакъ нени, башыны кутъмек кимнинъ, къулагъына купе (сыргъа) этип асмакъ нени, бир текненинъ хамыры, кемиклери чыкъып къалмакъ кимнинъ, бир къазыкъкъа багъланмакъ, джаныны якъмакъ кимнинъ, агъызгъа тюшмек, озюне коре пай бичмек, агъзынен къуш тутмакъ и др., а также пословицы и поговорки: *Бу ягъда бир къыл бар. Огюзге бойнузы агъырлыкъ этмез. Озю айтмаса, козю айтыр. Торгъайны соймагъа да къасап керек. Окъ яйындан чыкъса, керу**

къайтмаз. Ольген сыгъыр сютлю олур. Ольмеген джанда омют бар. Огълан бала юртнынъ темелидир. Нидже барлар ёкъ олды, нидже ёкълар бар олды и др. Такие эмоционально-экспрессивные и образные устойчивые обороты употребляются в повседневной речи, а также в художественных произведениях как средство речевой характеристики персонажей.

К книжной фразеологии относятся сверхсловные термины и номенклатура различных сфер знания и общественного производства. Например, лингвистические термины: *грамматик категория, хаберлик категориясы, грамматик манна, фонетик сёз, фаркъ этиджи сема, филь дереджеси* и др. [10]; техническая номенклатура: *къол дрели, къызув лампысы, электрик патрон, электрик сайыджы* и др.; математические термины: *диагональ кесилиши, кесирли сайы, тамыр тапув, янгълыш кесир, кочер симметриясы, координатлар кочелери* и др.; химические термины и номенклатура: *азот экишилиги, атом чекиси, броун арекети, гурюлтюли кенесув, саде мадделер, къатнаш савутлары* и др.; медицинские термины и номенклатура: *къарын бошлугъы, ич азалар, акъ джигер янгъысы, инфекция хасталыкълар, къан дамарлары, паталогик анатомия, къан дёнюми системасы* и др. Как видно из приведённых выше примеров, все эти номинативные единицы представляют собой кальки из русского языка.

В эту же группу (книжная фразеология) следует включить разного типа устойчивые обороты, используемые в официально-деловом и газетно-публицистическом стилях: *Миллий Меджлис, Украина Юкъары Радасы, Украинада нам къазангъан журналист, джемаат тешикляты, ички ишлер органлары, укъукъторуйыджы органлар, миллий азлыкъ, тёгерек маса, джинаш иш, ватан борджу, миллий акъ-укъукълар, миллий мухтар джумхуриети* и др.

Межстилевые фразеологизмы – это устойчивые обороты разного типа, которые употребляются во всех вариантах общенародного языка. Они нейтральны не только в стилевом, но и в эмоционально-оценочном отношении, т. е. не обладают образностью, не выражают никаких эмоций и оценок: *сёз бермек кимге, сёзюндан къайтмакъ, сону не олса да, кереги киби, ёл ачмакъ кимге, неге, дюнья юзю коръмек, ильк бакъышта* и др.

9. Системные (парадигматические и синтагматические) отношения в крымскотатарской фразеологии

Как и языковые единицы других уровней (фонемы, морфемы, лексемы и др.), фразеологизмы также образуют систему, структурируемую двумя видами отношений – парадигматическими и синтагматическими.

Парадигматические отношения (от греч. *parádeigma* – пример, образец) – это отношения между единицами одного или разных уровней, сгруппированными в мозге человека на основе различных ассоциаций. Например, сходство или смежность значений служит основой синонимии, гиперо-гипонимии, эквонимии, семантических полей. Соотносительная противоположность значений языковых единиц формирует антонимию, конверсию. Сходство формы проявляется в таких категориях, как полисемия, омонимия, паронимия.

Фразеологизмы, находящиеся между собой в указанных парадигматических отношениях, представлены в крымскотатарском языке группами разного объёма. Например, синонимические ряды состоят из двух – четырёх членов: понятие ‘умереть, скончаться’ передается устойчивыми оборотами *эбедий юкьугъа далмакъ, фани дюньяны терк этмек, сонъки нефесини чыкъармакъ, козлерини юммакъ, топракъкъа берильмек*; значение ‘быть похожими друг на друг в каком-либо отношении’ – *бир текненинъ хамыры, бир терекнинъ емиши, бир хыяр, бир мараз олмакъ*; ‘намеренно мешать кому-либо’ – *аякъ чалмакъ кимге, ёлуны кесмек кимге*; ‘обмануть’ – *козь боямакъ, алдар агъачына миндирмек кимни, йымырта косътерип, бор туттырмакъ кимге* и др. Как явствует из приведённых выше примеров, это преимущественно стилистические и эмоционально-экспрессивные синонимы.

Фразеологические антонимы образуют небольшие в количественном отношении ряды: *башы (мийи, къафасы) ишлемек кимнинъ, акълы кесмек кимнинъ, фунты урмакъ кимнинъ – башы ишлемек кимнинъ, бир тахтасы эскик олмакъ кимнинъ, башы тобан толу кимнинъ; агъыз патлатмакъ, агъзында бакъла сыланмаз кимнинъ – агъзынынъ ольчюсини бильмек, агъзыны ачмамакъ* и др.

Многозначность в крымскотатарской фразеологии представлена преимущественно двумя значениями: *агъзына кельгенини айтмакъ* – 1) говорить необдуманно, 2) говорить грубые слова, сквернословить; *агъзында бакъла сыланмамакъ кимнинъ* – 1) ‘быть многословным’, 2) ‘разглашать чужие секреты’; *джаныны бермек* – 1) ‘приносить себя в жертву’, 2) *кимге* ‘ничего не жалеть’; *башына чыкъмакъ кимнинъ* 1) ‘погубить кого-либо, принести большие неприятности кому-либо’, 2) *ненинъ* ‘успешно закончить начатое дело’ и др.

Фразеологические омонимы и паронимы в крымскотатарском языке встречаются довольно редко. Омонимами можно считать устойчивые обороты *сёз бермек кимге* ‘давать возможность

высказаться’ и *сёз бермек* ‘обещать, клясться’; *козлерини юммакъ* ‘skonчаться’ и *козлерини юммакъ* ‘засыпать’. Различие их значений обусловлено различием их внутренней формы. В качестве паронимов могут быть квалифицированы устойчивые сочетания слов *башындан (акълындан) чыкъмакъ кимнинъ* ‘забывать’, *баштан чыкъармакъ кимни* ‘сбивать с правильного пути кого’ и *башына чыкъмакъ кимнинъ* 1) ‘погубить кого-либо, принести большие неприятности кому-либо’, 2) *ненинъ* ‘успешно закончить начатое дело’; *къокъусы чыкъмакъ ненинъ* ‘о тайном деле – стать известным окружающим’ и *къокъу чыкъартмакъ* ‘готовить вкусно пахнущую еду, обычно мясную, в канун мусульманских праздников Ораза-байрам и Къурбан-байрам’.

Гиперо-гипонимические отношения обнаруживаются наиболее отчётливо среди фразеологических выражений номинативного характера. Например, гиперо-гипонимический ряд образуют лингвистические термины: *тургъун сёз бирикмеси (фразеологик бирлем) – фразеологик чатышмалар, фразеологик бирликлер, фразеологик бирлешмелер, фразеологик ибарелер; созукъ сеслер – ог сыра созукъ сес, арт сыра созукъ сес* и др.

Семантические поля также иллюстрируют системные парадигматические отношения в языке. Семантическое поле во фразеологии – это иерархически организованное множество фразеологических единиц, имеющих общую архисему. В крымскотатарской фразеологии можно выделить семантические поля, характеризующие познавательную (когнитивную) деятельность человека, а также его эмоции.

Семантическое поле когнитивной деятельности человека, например, состоит из микрополей, называющих и характеризующих различные ощущения, восприятия, представления, память, воображение, мышление и речь [11]. Каждое из названных микрополей может члениться на семантические группы. Микрополе «память», например, представлено фразеологизмами, характеризующими процессы запоминания (*акълына синип къалмакъ кимнинъ, къулагъына купе этип асмакъ кимнинъ*), забывания (*акълындан чыкъмакъ кимнинъ, акъшам ашагъаныны унутмакъ*), вспоминания (*акълына кельмек кимнинъ*) и др. Микрополе «мышление» состоит из семантических групп фразеологических единиц, характеризующих целенаправленное мышление (*акълыны башына топламакъ, инджеден элементек*), в том числе и направленное на кого-либо, (*акъыл огретмек кимге, агъзына чайнап къаптырмакъ нени, башыны-мийини ашамакъ кимнинъ*); оценивающих умственные способности

человека с положительной и отрицательной сторон (*акълы еринде, агъзынен къуш тутмакъ, башы чакъмакъ кимнинъ; бир тахтасы эксик олмакъ кимнинъ, эки аякълы тувар*) и др. [12].

Фразеосемантическое поле «эмоции человека» состоит из фразеологических единиц, характеризующих положительные и отрицательные эмоции и эмоциональные состояния: *дердини ачмакъ кимге, дёрт козьнен беклемек, джаныны агъыртмакъ кимнин, башыны кутъмек кимнинъ, джаныны якъмакъ кимнинъ, башыны джоймакъ, башыны таштан ташкъа урмакъ, дели дамарына басмакъ кимнинъ* и др.

Системные синтагматические (от греч. *syn-tagma* – соединённое, вместе построенное) отношения – это отношения смежности, связи фразеологических единиц с другими единицами, которые реализуются в речи. Синтагматические отношения фразеологизмов отражаются в словарях с помощью грамматических помет *ким, кимнинъ, ненинъ, кимге, неге* и др. Эти пометы указывают на сочетаемость фразеологизмов с другими значимыми единицами языка в тексте и, следовательно, на их роль в предложении. Например: *Меджит топнен къомиунынъ пенджере джамыны озю сындырса да, Экремни агъызгъа берди.*

Синтагматические отношения иначе называются окружением, валентностью. Валентностью обладают не все типы фразеологизмов. Например, фразеологические выражения коммуникативного и номинативного характера семантически самодостаточны и реализуются в речи без обязательного окружения: *Тойгъа китсен, тоюп кет; лексик-семантик вариант, функциональ услуп* и др.

Вывод. Подводя общие итоги, следует сказать, что крымскотатарский язык, более полувека функционировавший в условиях лингвоцида, сегодня делает первые шаги по пути реанимации всех участков своей системы и возрождения своей витальности. Фразеология – устойчивые обороты разного типа – один из важных участков системы языка, его душа, без которой язык не может полноценно функционировать, выполнять все необходимые социальные функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / А. М. Эмирова. – Симферополь : ДОЛЯ, 2004. – 176 с.
2. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. – Л., 1946. – С. 45–69.
3. Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – изд. 2. – М. : Высшая школа, 1972. – С. 23–30.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Учебное пособие для вузов / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
5. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии : учебное пособие для студентов университетов / А. М. Эмирова. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1972. – 97 с.
6. Эмирова А. М. Универсальное и этнокультурное в языке: Русская фразеология в зеркале крымскотатарского языка / А. М. Эмирова // Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ (17–22 сентября 2007. Варна, Болгария). – Т. 2 – Sofia : HeronPress, 2007. – С. 348–352.
7. Эмирова А. М. Лингвистические взгляды Бекира Чобан-заде / А. М. Эмирова // Східний світ. – 2002. – № 2. – С. 113–120.
8. Содикова М. Русча-ўзбекча фразеологик луғат / М. Содикова. – Тошкент : Фан, 1972. – 192 с.
9. Эмирова А. М. Аспекты сопоставительного изучения фразеологической семантики / А. М. Эмирова // Проблеми зиставної семантики. – Вип. 7. – К., 2005. – С. 252–256.
10. Эмирова А. М. Къырымтатар тилининъ тильшынаслыкъ терминлери лугъаты / А. М. Эмирова, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешр, 2008. – 88 с.
11. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. – Ташкент : Фан, 1988. – 92 с.
12. Джелилов А. А. Семантические группы фразеологических единиц, характеризующих память и мышление в крымскотатарском языке / А. А. Джелилов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 158. – С. 35–38.